Наши будни, или рассказ о том, как фабрикуются уголовные

Петр Григорьевич Григоренко

SHOUT
SHARE
IT

- Григоренко Петр Григорьевич

Григоренко Петр Григорьевич
Наши будни, или рассказ о том, как фабрикуются уголовные дела на советских граждан, выступающих в защиту прав человека

Петр Григорьевич Григоренко (1907-1987).
"Наши будни, или рассказ о том, как фабрикуются уголовные дела на советских граждан, выступающих в защиту прав человека",
Записки
От издательства

Предлагаемая нашим читателям книга генерала Петра Григоренко - один из примечательных документов нашего времени. Среди многочисленных документов Самиздата эта книга особенно сильно освещает две характернейшие черты современной действительности в СССР: жестокое подавление в этой колониальной империи основных гражданских и национальных прав и одновременно невозможность для властей сломить дух сопротивления граждан СССР.

Петр Григоренко, член КПСС с 1927 года до его исключения из партии в 1964 году, учился в Харьковском технологическом институте, но был призван в армию и с 1931 года стал кадровым офицером, участвовал в боях на реке Халкин-Гол и во второй мировой войне дослужился до звания генерал-майора; после войны преподаватель, начальник научно-исследовательского отдела и начальник кафедры кибернетики Военной Академии им. Фрунзе в Москве, автор многих работ по военной тактике, оперативному искусству, кибернетике и военной истории.

За мужественное выступление на партийной конференции Ленинского района города Москвы в 1961 году, выступление, в котором он подверг критике нарастание нового культа личности в СССР, его удалили из Академии и выслали на Дальний Восток со значительным понижением в должности. В 1964 году его арестовали и определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР направили на "излечение" в специальную (тюремную) психиатрическую больницу. После освобождения в 1965 году, Григоренко стал активным участником правозащитного движения, выступал против интервенции в Чехословакию в августе 1968 года, а также в защиту национальных прав

нерусских народов, в частности крымских татар. В 1969 году Григоренко снова арестовали и в течение последующих пяти с лишним лет держали в тюрьме и спецпсихбольнице. Несмотря на это, он после освобождения снова в рядах деятелей движения сопротивления. В частности, он один из основателей Московской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений 1975 года и постоянный активный участник работы этой группы.

Ген. Григоренко по национальности украинец, но большую часть своей жизни провел в России, среди русских. Однако, когда в декабре 1976 года создалась Украинская общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений, он сейчас же присоединился к ней. По своим убеждениям Григоренко, участник диссидентского движения в России в течение многих лет, всегда представлял демократическое крыло этого движения. Что же касается отношения к национальному вопросу в СССР, то он стоит на позициях государственной самостоятельности Украины и других нерусских народов и их сотрудничества с самостоятельной демократической Россией.

Издательство Сучаснисть

От автора

В феврале 1977 года арестованы мои друзья и соратники: руководитель Фонда Солженицына по оказанию помощи советским узникам совести и их семьям и член Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР - писатель Александр Гинзбург; руководитель этой же Группы, член-корреспондент Армянской Академии наук, физик Юрий Орлов; руководитель Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений и член советской группы "Международной Амнистии", выдающийся украинский поэт, писатель-фантаст и философ Микола Руденко; член этой же Группы - учитель Олекса Тихий. Несколько раньше, в декабре 1976 г., схвачен на улице и заключен в психиатрическую больницу No 3 г. Ленинграда член Инициативной группы по правам человека - Владимир Борисов.

Никто из них, даже по советским законам, не совершил и не мог совершить никаких преступлений. И арестовавшие их власти об этом знают. Это подтверждается хотя бы тем, что публикации об этих людях, данные в советской печати накануне и после ареста, представляют собой чистейший вымысел, грязную и бессовестную клевету. Из чего видно, что им грозит жестокая расправа. Им будут состряпаны фальсифицированные дела, и по этим делам специально подобранные судьи в закрытых судебных заседаниях, лицемерно именуемых "открытыми", вынесут

жестокие, бесчеловечные приговоры. И, я думаю, этим процессом власти хотят положить начало более массовым репрессиям против критиков строя.

Исходя из анализа аналогичных дел в прошлом и используя ставшие известными нам данные о подготовке процесса над моими друзьями, я решил рассказать широкой общественности о том, как осуществляется "правосудие" над инакомыслящими. Особенно подробно расскажу я, как готовится и будет продолжать готовиться данный процесс.

17 марта 1977 г. П. Григоренко

1. Тревога!

Утром 2-го февраля 1977 года жену мою разбудил телефонный звонок.

- Зинаида Михайловна, - послышался голос писателя Владимира Корнилова. Вы видели сегодняшнюю "Литературку"?

- Нет.

- Ну тогда постарайтесь взять ее раньше Петра Григорьевича, прочтите 14-ю страницу и решите, стоит ли ему показывать.

Жена сразу же поняла, что опубликована еще какая-то грязная клевета и наши друзья, зная мою болезненную реакцию на всякую печатную мерзость, хотят оградить мое больное сердце от опасного стресса.

Но далеко не все можно и следует скрывать. Через полчаса мы уже прочли письмо А. Петрова (Агатова), озаглавленное "Лжецы и фарисеи".

- Гинзбурга решили арестовать, - сказала жена. - Так подло клевещут только в таких случаях. Надо что-то предпринимать. Поезжай к Юре (Орлову Ю.Ф.). Посоветуйтесь.

Юрия Федоровича я нашел на квартире у Валентина Турчина. Здесь же находились члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений Людмила Алексеева и Анатолий Щаранский. Договорились немедленно провести пресс-конференцию на квартире у Гинзбурга.

Корреспонденты собрались около 14.30. Основным было сообщение А. Гинзбурга о деятельности Фонда Солженицына по оказанию помощи политзаключенным и их семьям. Было доложено, что за два года деятельности Фонда в трудных условиях удалось оказать помощь примерно 700 единицам (за единицу принимается заключенный и его семья) на общую сумму около 270 тысяч рублей. Из которых около 70 тысяч поступило от добровольных пожертвований из Советского Союза. Оказанную материальную помощь трудно переоценить, поскольку семьям политзаключенных чинятся всевозможные материальные утеснения. Но не меньшее значение имела моральная поддержка,

являвшаяся следствием материальной помощи и встречи с друзьями, осуществлявшими ее. Нередко оказание помощи приходится тщательно скрывать, т. к. власти на местах оказывают давление на лиц, получающих помощь от Фонда Солженицына.

Следует особо подчеркнуть, что те, кто хранит средства Фонда, распространяет и доставляет помощь, ничего для своих расходов из фонда не получают. Даже Александр Гинзбург, которого никто в мире не осудил бы, если б он с разрешения фондо-держателя получал какое-то жалованье за свою огромную и ответственную работу. Но он настойчиво отклонял подобные наши советы и продолжал зарабатывать на семью собственными руками. Его не брали на работу, а взявши вскоре увольняли. Но он никогда не падал духом. Пользуясь своей профессиональной разносторонностью, он зарабатывал хлеб свой по трудовым соглашениям.

Корреспонденты с большим интересом отнеслись к этому сообщению. Задавали много вопросов. Ответить на некоторые из них, например, о технике доставки вспомоществования, не было возможности. Специфика деятельности Фонда не позволяет разглашать эту технику.

Интересовались корреспонденты и вопросами письма А. Петрова и личностью автора. Мы по мере возможности ответили и на эти вопросы. Довольно подробные данные об авторе сообщил член московской общины пятидесятников Анатолий Власов. Он приехал к Юрию Орлову, обеспокоенный письмом А. Петрова в "Литературной газете". Здесь он узнал о предстоящей пресс-конференции и согласился принять в ней участие.

А. Власов рассказал, что А. Петров, прибыв после освобождения из лагеря в Москву, связался с их общиной и заявил, что в лагере он уверовал в Бога и стал пятидесятником. Он просил оказать ему как единоверцу материальную помощь. Свою просьбу он мотивировал тем, что в Ленинграде, где проживает мать, его не пропишут, а оставить одну, без сыновнего ухода 83-летнюю мать он не может. Значит, ему надо купить дом в таком месте, где бы его прописали и где могла бы жить с ним престарелая мать. Такой дом он присмотрел в г. Боровске, но стоит он 11 тысяч, которых у него нет. Столь огромную сумму не могла собрать и московская община. Тогда московские пятидесятники обратились в другие общины, и те помогли. Нужная сумма была собрана и вручена А. Петрову.

Но Петров (Агатов) не торопился в Боровск. Совершив тягчайший, с точки зрения пятидесятников, грех, он сошелся с женой члена общины, предоставившего ему по-братски свой кров. Мало того, он выжил хозяина из своей квартиры, и тому

пришлось обращаться за помощью в милицию. Но когда пришел участковый, А. Петров вызвал по телефону полковника КГБ, и тот распорядился - Петрова не трогать. При этом он обещал, что в самое ближайшее время квартира будет разменена и хозяину выделят комнату. Это обещание через несколько дней было выполнено.

Итак, А. Петров (Агатов), прежде в Москве не проживавший, после освобождения из заключения живет здесь около двух лет, нигде не работая: проживает те тысячи, которые мошеннически получил у московских пятидесятников. Дом ему не потребовался, "любимую мамочку", без которой, как утверждал он, "жить не может", отправил в Сибирь к ее сестре. В Москве, где он сумел уже оформить квартиру (на жену), никто его не тревожит.

А вот Александру Гинзбургу, которого А. Петров всячески поносит в своем письме, власти в течение пяти лет не позволяют даже временно пожить в Москве, где он проживал до ареста и осуждения и где постоянно проживает его жена с двумя малолетними детьми и мать. Стоило ему приехать на день-два к семье, как его тут же тащили в милицию. И никакие полковники КГБ за него не вступались.

В чем же дело? Почему такое разное отношение к людям, судившимся по одной и той же статье Уголовного кодекса? Видимо, один из них принадлежит (употребляя меткое выражение Солженицына) к "социально близким". Проверим это предположение. Дадим слово для характеристики А. Петрова самому КГБ. Цитирую по книге, предъявленной корреспондентам во время пресс-конференции:

"В октябре 1961 года к одному руководителю учреждения обратился некий Петров-Агатов и заявил, что редакция газеты "Известия" поручила ему разобраться и написать статью о внедрении в промышленность нового изобретения ленинградского профессора.

Руководитель учреждения созвал широкое совещание, на которое пригласил ученых специалистов различных ленинградских организаций и автора изобретения. Всем им по ходу совещания Петров задавал "уточняющие" вопросы.

Узнав об этой истории, работники ленинградского отделения газеты удивились. Ведь среди сотрудников "Известий" нет и не было корреспондента по фамилии Петров-Агатов. Оказалось, что у него никто даже не проверил документов.

Кто же такой Петров и почему он заинтересовался изобретением? Петров оказался проходимцем и мошенником. Только за последние десять лет он семь раз судился за мошенничество, антисоветскую агитацию и неоднократные

побеги с мест заключения.

В свое время он познакомился с изобретателем. По приезде в Ленинград Петров разыскал его и предложил "протолкнуть" изобретение, но за это автор изобретения должн был уплатить ему 400 рублей. Чтобы показать свои "силы" и "возможности", Петров и "организовал" совещание специалистов на высоком уровне. Подобным же образом он обманул ряд руководящих работников в Баку, Риге и в других городах.

По ленинградскому радио в конце декабря 1961 года передавался фельетон о том, как один мошенник под видом референта Министерства просвещения Осетии обманул нескольких доверчивых ленинградских музыкантов и художников, получивши с них деньги на приобретение двух пианино. "Референтом" был тот же Петров.

Петров привлечен к судебной ответственности".

(Враг не достигнет цели. Лениздат, 1963, стр. 175-176, авторы: В.Н. Лякин, П.М. Петров, К.Г. Рогов, Н.П. Чурсинов. Курсив мой - П.Г.).

Итак, проходимец, мошенник, саморазоблачившийся агент КГБ, грязный тип, гадящий в доме, оказавшем гостеприимство, бьющий по руке, оказавшей бескорыстную помощь, - вот кому поручена погромная клевета на честного человека, каждодневно рискующего собственной безопасностью, отдающего силы и здоровье делу помощи зверски подавляемым узникам совести

и их семьям.

И что же мы узнали из пачкотни этого типа? А ничего достоверного, хотя и он сам, и его наставники очень старались придать письму вид искреннего покаяния многознающего диссидента. Для этого даже несчастным "сироткой" пришлось прикинуться. "... Я понимаю, как мало шансов у моего письма появиться в печати". Кто этому поверит! Теперь-то мы точно знаем, что письмо было написано (по заданию) за полтора месяца до его опубликования и неоднократно подправлялось.

Несколько раз он называет себя верующим, видимо, надеясь таким способом завоевать доверие к своей писанине. Но он настолько далек от Бога, что не понимает, как эта писанина противна любому вероучению. Ни один истинно верующий человек не станет на сторону гонителей против гонимых. "Верую в Бога" под пером написавшего такое письмо звучит кощунством.

Пытается он спекулировать и на том, что около года находился в одной тюрьме (Владимирской) с Гинзбургом, а некоторое время даже в одной камере. Как будто провокатор, прошедший тюрьму, менее отвратителен, чем провокатор, в ней не бывший.

Однако все эти и другие ухищрения мало помогают письму. Когда нет фактов, требующихся для данного случая, приходится прибегать к обычной клевете, которая на всю страну распространяет запах учреждения, ее породившего: "преклонение перед Западом", "стремление перекроить у нас все на западный манер", "низкопоклонство перед Западом, вызванное жадностью к получению оттуда денег" и т. п. И все это, как и отрицание правдивости сообщений "Хроники" о положении политзаключенных", совершенно голословно.

Увлекшись, авторы письма сообщают нам о заявлении А. Гинзбурга, опубликованном в "Вечерней Москве" 3-го июня 1965 г., очевидно, забыв, что А. Петров не мог знать об этом заявлении, т. к. отбывал тогда срок за очередное мошенничество. Не знал он и того, что органы КГБ уже употребляли это заявление в 1967 г. для очернения Гинзбурга, тогда только что осужденного вместе с Ю. Галансковым. Органам КГБ так понравилось удачное, с их точки зрения, извращение этого заявления, что они прибегли к нему и на этот раз. Понадеявшись на короткую память читателей, они показали перед всем миром себя как подлинного автора опуса "Лжецы и фарисеи". Выдает подлинных авторов и включение в этот опус анекдота с "Голосом Америки" и ансамблем "Песняры".

Попытка, которую и до этого письма неоднократно предпринимали органы КГБ распространение клеветы, с помощью которой удалось бы поссорить Сахарова и его жену с их ближайшими друзьями, - тоже указывает на ту "кухню", где готовилось "письмо А. Петрова".

Еще определеннее указывает на эту кухню голословное утверждение письма о том, что названия Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений и Комитет по правам человека - служат лишь целям маскировки.

Но не из-за названных анекдотов и привычной расплывчатой кагебистской клеветы писалось "письмо Петрова". Нужны были "свидетельства очевидца". И вот они: "На квартире у Гинзбурга я был раз двадцать..." "И видел, как здесь выдавались деньги, сертификаты, обменивались на валюту и наоборот". Что он ничего не видел и не мог видеть - это известно не только Петрову, но и каждому, кто бывал у Гинзбурга. Деньги всегда выдавались только тому, кому они предназначались, без присутствия третьих лиц. Что же касается валюты, то ее у Гинзбургов никогда не было и быть не могло. Кто хоть немного знает сложную советскую систему финансовых взаимоотношений с капиталистическим миром, тому известно, что иностранная валюта в руках советского гражданина, пока он на родине, совершенно

бесполезна. Вместе с тем ее хранение равносильно самоубийству, поскольку соответствующая статья Уголовного кодекса предусматривает расстрел.

Во время обыска в декабре 1976 г. Гинзбургу подбросили 1000 немецких марок (ФРГ) и 100 американских долларов. Подбросили грубо, неумело, прямо на глазах жены А. Гинзбурга - Ирины Жолковской. Его самого в это время в квартире не было. Когда он пришел и Ирина рассказала ему об этом, он только засмеялся: "Пусть докажут, что это наша валюта". Посмеялись и мы, его друзья, когда нам рассказали об этом. Но смеяться, оказывается, не стоило. Никто из нас тогда не знал того, что теперь известно достоверно: письмо "Лжецы и фарисеи" в то время уже было написано и лежало в КГБ, ожидая своего часа. А в этом письме было свидетельство: валютные операции А. Гинзбург производил. Значит, надо было при обыске "найти" иностранную валюту, и ее "нашли". Теперь оставалось выпустить свидетеля - "добровольно раскаявшегося инакомыслящего", который "видел" самый факт обмена инвалюты на советские деньги и мог рассказать об этом широкой публике. И вот он - свидетель, "честнейший" Петров - "добровольно" через газету разоблачает "валютчика".

Грубо, лживо, шито белыми нитками? Да!! Но судить-то будут специально отобранные партийные судьи за закрытыми дверями в зале, заполненном своей, проверенной публикой. Здесь все пройдет не только с белыми нитками, но и с оранжевыми веревками. Здесь важна не истина, а материал, который, пусть будет и чистейшей клеветой, лишь бы представлял подсудимых неинформированной публике в самом неприглядном свете.

И А. Петров выполняет заказ. Нужно совсем не иметь совести, чтобы приписать Гинзбургу пьянство и разврат. Но А. Петров делает и это. Он даже оснащает свое сообщение об этом такой подробностью, как "выпадение из окна и перелом руки". О "выпадении" и "переломе" А. Петров, возможно, и слышал от матери А. Гинзбурга, но он плохо слышал и не понял, что это было в столь раннем детстве, что никак не могло быть сопряжено с пьяной оргией.

Прочитав письмо, невольно вспоминаешь Шекспира: "Гнусному и доброта, и мудрость, кажутся гнусными; грязи только грязь по вкусу".

Мы еще долго говорили с женой о письме А. Петрова и вопросах, выяснившихся на пресс-конференции. Жена продолжала настаивать на том, чтобы люди, знающие А. Гинзбурга и его семью, выступили с разоблачением клеветы. Она надеялась, что быстрая реакция на клеветническое письмо может

послужить хоть незначительным препятствием на пути к аресту. Я согласился с этим, но из-за позднего времени, нездоровья и сильного утомления пришлось отложить составление письма на завтра. Когда я проснулся утром 3-го, у жены был готов проект. Мы его обговорили, подправили и отдали на машинку.

В 8 часов вечера наше письмо было вручено иностранным корреспондентам. Мы были уверены, что это действие предварит арест. Через два часа выяснилось, что мы заблуждались. Зашли ближайшие наши друзья - люди огромного мужества и человечности - Татьяна Великанова и Александр Лавут. Они уже знали об аресте А. Гинзбурга и сообщили нам, что его взяли в 8 часов вечера 3-го февраля 1977 г., т. е. как раз в то время, когда мы вручали письмо корреспондентам. Ясно стало, что мы опоздали. Надо было предпринимать иные меры. О них и пошел разговор. Начинались обычные "диссидентские" заботы, возникающие каждый раз, когда жестокая рука произвола вырывает кого-нибудь из наших рядов.

2. Чей же это голос?

Вечер 3-го, наступившая ночь, 4-е и 5-е февраля прошли в тревоге. Мы понимали, что одним Гинзбургом дело не ограничится, что предстоят еще аресты. Нам думалось, что удар будет обрушен на Группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Подтверждение не задержалось.

В субботу (5.02.77 г.) сын принес вечерние газеты. Еще с порога он воскликнул:

- Мама, смотри, какой журнал!

- Это, сынок, наверное, новый наш почтальон ошибся. Отнеси и положи на окно возле почтовых ящиков, - распорядилась жена.

- А что там за журнал? - крикнул я из своей комнаты.

- "Голос родины", - ответила жена.

У меня молнией пронеслось: да, ведь так называлась недельная газетенка, которую подбросили в почтовый ящик Игорю Ростиславовичу Шафаревичу, когда в ней был напечатан пасквиль на Елену Георгиевну Боннэр (Сахарову). И я крикнул жене:

- Не отсылай. Прочти внимательней. Там должно быть что-нибудь, касающееся нас. Это нам прислали.

Вскоре я услышал:

- Есть!

И вот жена читает, а я сижу рядом и слушаю фельетон "12 рассерженных тунеядцев".

И чем дальше идет чтение, тем сильнее напрягается моя память - чей же это голос? На "Голос Родины" он никак не похож. Скорее это голос с одесского базара... Из рыбного ряда... голос

мадам Стороженко.

Фельетон безусловно на уровне ее морали и языка. Но издатели газетенки превзошли и эту мораль. Та ругалась, не отходя от рабочего места. "Голос..." боится, что его не услышат, вернее - не захотят слушать, и поэтому выдает свою площадную брань с доставкой на дом.

Ругань целиком направлена против Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Газетенка пытается скомпрометировать некоторых из членов этой Группы. Замах же, судя по заголовку, на всех. Значит, наши предположения верны: главный удар направлен против Группы.

Но почему такой заголовок? Вероятно, перефразировка заголовка чудесного американского фильма "Двенадцать разгневанных мужчин". Авторам фельетона, видимо, показалось очень остроумным такое перефразирование, хотя ничего остроумного и даже просто умного в этом нет. В американском фильме было действительно 12 мужчин - присяжных заседателей, а наша Группа никогда не имела такого количественного состава. Да и фельетонист смог назвать только 9 человек. При том среди них А. Сахаров, который в Группу никогда не входил, и М. Бернштам, выбывший из состава Группы еще в июле 1976 года.

Полемизировать с бульварной газетенкой дело отвратительное - все равно что в грязь окунуться. Но в данном случае этого не избежать, ибо именно через бульварную прессу решили действовать наши "опекуны". Именно эта пресса извергает грязную клевету на людей, с которыми власти хотят расправиться.

Я не буду говорить о тоне, каким ведется травля честных людей через эти газеты. Их возмутительно оскорбительный, разухабистый тон нельзя и не надо критиковать. Он сам себя оплевывает с головы до ног. Советская пресса никогда не писала в достойном тоне о людях и государствах, поведением коих власти недовольны. Удивительно было бы, чтобы "Литературка" и "Голос Родины" отклонились от стереотипа. Такие газеты если и отклоняются, то только вниз, на самое дно. И мы оставим им их тон. Не будем даже корить за него. Кто не способен вести себя иначе, чем ведет, тому никакие укоры не помогут.

Но нам придется схватить жуликов из "Голоса..." за руку и, восстановив факты, показать подлинную лживость этого жулья. В моей юности комсомольской таких "брехунов" не опровергали. Им просто били морду и в порядочную компанию не принимали. Я, к сожалению, лишен такой возможности. Во-первых, я старый больной человек, а этот "труженик" (антитунеядец), по всей видимости, молод и хорошо откормлен. Во-вторых, он спрятался

за псевдонимом, и редакция, уж, конечно, не выдаст его. И, наконец, в-третьих, на его защите стоит тот могущественный аппарат, который поручил ему облить грязью честных, ни в чем не повинных людей, которых намечено подвергнуть уголовному преследованию просто за то, что они не угодны властям.

В. Сергеев, или как его там, оболгал в своем фельетоне девять человек в следующем порядке: Орлов, Григоренко, Марченко, Сахаров, Сахарова-Боннэр, Гинзбург, Щаранский, Слепак, Бернштам. В чем повинны эти люди, из Сергеевского опуса не понять. Фельетон написан тем бюрократическим стилем, из которого понятно только, что человека ругают, а за что - не понять. Так и пишется, чтоб непонятно было. Я в своем опровержении не буду придерживаться того порядка рассмотрения, что в и в фельетоне. Рассмотрим сначала тех, кто либо никогда не входил в состав Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, либо не входит сейчас и находится за пределами досягаемости "руки" КГБ.

Академик Андрей Дмитриевич Сахаров - создатель советской водородной бомбы, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. У нас любят говорить о том, что человек оценивается по его успехам в труде. Пусть мне назовут людей, имеющих заслуги, подобные Сахаровским. Ручаюсь, что и пальцев одной руки хватит для их подсчета. Так почему же его не прославляют, а преследуют. И даже таким ничтожествам, как В. Сергеев, дозволено плеваться в него.

А дело обстоит просто. А.Д. Сахаров, как говорит Л. Чуковская, "человек сердечного ума и думающего сердца", возненавидел бомбы и всякое насильничество. Он обратился к правительству, а затем к советской и международной общественности и стал первым в нашей стране и одним из первых в мире призывать к тому, что теперь называют "разрядкой международной напряженности". Деньги, полученные в виде премий за свои научные труды (150 тысяч рублей) он внес на строительство онкологического центра и на Красный Крест.

Он написал несколько больших статей, известных всему миру, кроме тебя, товарищ Советский народ, статей, в которых пригласил народы земного шара, вместо того, чтобы накапливать бомбы, накапливать мысли: как спасти человечество от угрозы войны? голода? болезней? Как спасти природу, человечество, цивилизацию от гибели?

Л. Чуковская

Он задумался также о судьбе отдельного человека: прежде всего у себя на родине. Всюду, в том числе и в нашей стране,

кроме бомб, болезней и голода есть тюрьмы, лагеря, а у нас, кроме того, еще и специальные (тюремные) сумасшедшие дома, куда на бессрочное заключение запирают не угодных властям психически здоровых людей.

Вот для защиты таких людей Андрей Дмитриевич со своими друзьями организовал Комитет по правам человека и ведет лично большую работу по защите тех, кого судят и осуждают вопреки советским законам и международному праву.

За свою выдающуюся человеколюбивую деятельность, за неустанную борьбу против войны и насилия Андрей Дмитриевич завоевал огромный авторитет в мире и удостоен Нобелевской премии Мира. Но одновременно за это же на него обращены злоба и ненависть, развязная гнусная клеветническая кампания со стороны тех, кто хочет править, не считаясь ни с какими законами: ни с Конституцией СССР, ни с международным правом. Естественно, что и В. Сергеев, спущенный с той же цепи, тоже "лягнул" А. Сахарова - "пускай ослиное копыто знает". Но как же он лягает! Какая непроходимая глупость, злоба и непонимание простейших вещей сочатся из каждой его буквы!

В который уж раз КГБ через различные каналы, сейчас через "Голос...", пытается протащить сказку, что кто-то, в данном случае Орлов, пытается оттеснить Сахарова от руководства. Чего в этой сказке больше - глупости или подлости - сказать трудно. О каком "руководстве" идет речь? Если в чиновничьем понимании, то у нас нет руководителей. Сила нашего движения в том и состоит, что здесь каждый сам по себе личность. А если говорить об авторитете, то здесь не может быть разговора. Все, кто знает Андрея Дмитриевича, в том числе и Орлов, любят его и ставят его авторитет превыше всего. И самое прекрасное в этом то, что Сахаров не замечает сего. Он внимательно прислушивается к мнению других, с уважением относится ко всем. Скромный, мягкий, разносторонне развитый, он принадлежит к числу тех, кто влияет на души людей, а не на их материальные побуждения. И в этом отношении ему нет конкурентов. Это вас, неуважаемый фельетонист, легко оттеснить. Вместо вас быстро найдутся те, кому тоже хочется ухватить малообглоданную кость с барского стола. А вот попробуйте оттеснить Сахарова. Кишка тонка.

Миша Бернштам - мягкий, ласковый, внимательный и заботливый, был очень привязан к друзьям и с большим трудом отрывался от родины. Он даже намеревался отказаться от визы. В нашей семье хорошо знали и любили Мишу. И мы, и другие его друзья уговаривали его не отказываться от визы. Мы были уверены, что КГБ, провокациями и угрозами вынудившее М. Бернштама на подачу заявления о выезде в Израиль, не шутило.

Он был действительно одним из первых кандидатов на арест.

Вот это правда. А утверждение В. Сергеева, что сионисты заставили эмигрировать Бернштама, "упаковав его в объятия 43-летней жены", похоже на правду, как удав на пожираемого им кролика. Чего же эти "сионисты" самих себя не "упакуют" и не отправят в Израиль, а вместо этого годами обивают пороги ОВИРа, лишенные работы и всего другого, чем пользуются советские люди. Что же касается выдержек из писем Бернштама, приведенных в фельетоне, то я сказать ничего не могу. Я перлюстрацией его почты не занимался. Этим занимается в СССР только одна организация. Она и дала выдержки фельетонисту. При этом даны такие огрызки фраз, что трудно предположить, к кому они относятся: "Душу вымают... (кто? не ищите! - П.Г.), я зажат в угол... (кем?). Сил больше у меня нет". В общем, о выдержках из перехваченных КГБ писем лучше вовсе не говорить. А из соображений фельетониста о Бернштаме прослеживается только одна его "вина": он, 27-летний, женат на 43-летней. Это большой грех? Пусть читатель сам ответит на этот вопрос, а заодно подумает и моральном уровне тех, кто подбирал сии "факты".

Перейдем теперь к оставшимся семи из обещанных двенадцати.

Не буду надолго задерживаться на оказавшихся в хвосте сергеевского списка Щаранском и Слепаке. Тем более что и фельетонист, утомивший предыдущим серое вещество своего мозга, понес такую околесицу, что инда мороз по коже. Почитайте, как Слепак издевался над участковым 108 о/м старшим лейтенантом Дорошенко. Картина!!! Жена Слепака порвала брюки милиционеру (как - в фельетоне не говорится, по-видимому, зубами) и натравила на него собаку. Правда, та оказалась благоразумной и на представителя власти не бросилась. Зато сам Слепак поступил с участковым, как Иван Грозный с посланцем Курбского Василием Шибановым, - пригвоздил острым концом посоха (то бишь лыжной палки) стопу верного Дорошенко.

Прямо-таки Шехерезада. "Бедная" милиция совершенно "беззащитна": крымские татары всё погоны милиции срывают. Даже если из квартиры не выходят и милиционера в глаза не видят, погон непременно сорвут - дотянутся. Вот и Слепак наделал Бог знает чего. На три статьи Уголовного кодекса хватит: сопротивление властям, нанесение тяжких телесных повреждений (проколол стопу в нескольких местах) и злостное хулиганство, а милиция не знает, что с ним делать. Разве что 15 суток дадут. Такая уж сила у этих "сионистов" - что хотят, то и творят. Хотят -

не работают, хотят - с родины людей выживают, хотят- над милицией издеваются. И всё с них как с гуся вода.

А если без иронии, то болтливый фельетонист и правду сказал: "28-летний член Комитета Щаранский... трижды отмеченный "наградами" - каждый раз по 15 суток". И каждый раз, добавим мы, без каких бы то ни было законных оснований. Да и не трижды, а четырежды.

А вот правда и о Слепаке: "Слепак... нигде не работающий уже пять лет...", "трижды отсидевший за хулиганство по 15 суток". Забыли только написать, что Слепак - ученый, уволен с работы, как только подал заявление о выезде в Израиль. И с тех пор ему не дают работать по специальности и не выпускают в Израиль. Аналогично положение и у Щаранского. А 15-суточные посадки устраивают им за вполне законную попытку протестовать против такого ненормального положения. Кто же тунеядцы? Люди, которых незаконно лишили куска хлеба, или, может быть, те, кто получает свой немалый заработок за то, что творит это беззаконие и лжет - печатно, по радио, с трибуны. Думаю, что это даже не вопрос.

О Гинзбурге здесь сказано мало. Видимо, сочли достаточным то, что наговорила "Литературная газета". Но сколь мало ни сказали - снова солгали. Вот дословно, что написано: "Сахаров... откомандировал туда (в Группу - П.Г.) ... своего секретаря, упитанного мужчину, не обременяющего себя получением зарплаты в советских учреждениях". Итак, Гинзбург - упитанный мужчина. Худой до предела, язвенник и туберкулезник Гинзбург, превратился под пером лжеца в упитанного. Надо было еще брюхо толстое прирастить, как до последнего времени изображают "буржуев", а не так давно изображали "кулаков". Показал, наконец, фельетонист, а вернее - его заказчики и вдохновители, свое понимание тунеядства. Гинзбург тунеядец потому, что работает секретарем у Сахарова и получает зарплату не в советских учреждениях. Тунеядцу не понять, что именно советские учреждения плодят и оплачивают тунеядцев. Гинзбург не мог быть тунеядцем, т. к. хлеб свой зарабатывал собственным трудом, и не только как секретарь Сахарова, но и как мастер на все руки - слесарь, столяр, электромонтер, ремонтер электрических приборов и радиоэлектроники. У него действительно "золотые руки".

К тунеядцам отнесена и Елена Георгиевна Сахарова-Боннэр. Какими растленными типами должны быть люди, распространяющие такую несуразицу. Если бы Елена Георгиевна была только женой Сахарова, то и тогда нельзя было бы бросить ей такое обвинение. Ибо жена Сахарова - это уже достаточное

основание для того, чтобы "не обременять себя получением зарплаты в советских учреждениях". Но Елена Георгиевна инвалид Великой Отечественной войны. Будучи же инвалидом, идти нелегкой тропой спутницы Великого Академика - это уже подвиг. И вот находятся ничтожества, пятнающие такого человека ярлыком "тунеядца".

Еще об одном рядовом члене Группы сказано так: "Сиплым, спитым голосом требует "гражданских свобод" Анатолий Марченко, пять раз судимый профессиональный уголовник. Хрипотца села на его голосовые связки, когда он трудился несколько месяцев на ликеро-водочном заводе... К тому же он пренебрег... честным общественно полезным трудом..., а чужеземные благодетели преподносят Марченко деньги и иные дары..."

Итак, пьяница, пять раз судимый профессиональный уголовник, нигде не работающий, получает какие-то нечестные дары с Запада. Вот портрет, нарисованный КГБ.

А теперь давайте посмотрим человека.

Да, действительно: "В возрасте 20 лет он впервые угодил за решетку..." (До этого же он почти 4 года проработал на стройке.) Это правда. А дальше все в фельетоне ложь. Но мы продолжим рассказ о том, как было в действительности. Почти два года провел Анатолий за решеткой. А потом пришло освобождение. Дело прекратили за отсутствием события преступления. Заодно отменили и статью Уголовного кодекса, по которой он был осужден. Но Анатолий не дождался этой "высокой справедливости". За два дня до этого он еще с одним солагерником бежал из заключения. Пришедшее через два дня распоряжение об освобождении хоть и не принесло свободы заключенному, но дало возможность администрации лагеря сделать вид, что побега не было. Следовательно, строго по закону о первом заключении говорить нет права. Оправдание снимает судимость. Но КГБ не снимает. Чтобы побольше очернить, говорится об отмененном несправедливом приговоре как о действующем.

Арест и осуждение не прошли для Анатолия даром. Бежав из лагеря, он решил перейти советско-иранскую границу, но был схвачен и осужден на 6 лет лагеря строгого режима за попытку измены Родине. Как видим, несправедливое осуждение толкнуло человека на преступление, которое, с точки зрения международного права, и преступлением-то не является.

Но самое страшное не в этом, а в том, что и с точки зрения советских законов судят снова несправедливо. В действительности совершено преступление "нелегальный переход

границы", но у следователя есть особое задание - выявлять "измену Родине", и он предлагает каждому из двух перебежчиков показать на своего подельника, что тот после перехода границы собирался поступить на службу в американскую разведку. А. Марченко с возмущением отверг это предложение. Подельник принял его. В результате - подельник за попытку "нелегального перехода границы" получил 2 года, а Марченко "за попытку измены Родине" - 6 лет (ниже нижнего предела, который по этой статье равняется 10 годам).

Впоследствии Марченко будут неоднократно укорять за то, что он не ответил искренним раскаянием на проявленный к нему гуманизм. Дать за одно и то же преступление втрое больше, чем подельнику, - это на языке чиновника гуманизм. Но А. Марченко умный человек и хорошо понимает, какая грубая, какая бесчеловечная несправедливость допущена, и возмущение все больше охватывает его. У него пробуждается тяга к познанию действительности, и он жадно удовлетворяет эту тягу, очутившись в лагере для политзаключенных.

После освобождения из лагеря власти определили ему для проживания гор. Александров. Но в Москве у него появились друзья. Здесь он встретился и с женщиной, ставшей впоследствии его верной спутницей и матерью его сына. Москва, следовательно, привлекала Анатолия, поэтому и на работу он устроился в Москве. При этом он строго следил, чтобы не прожить здесь более трех суток и тем не нарушить паспортный режим. Тем временем на Западе вышла его книга "Мои показания" - потрясающий документ о нынешних, а не сталинских лагерях.

Его арестовали и осудили на 1 год НТК строгого режима "за нарушение паспортного режима". Доказательством нарушения суд признал то обстоятельство, что он работал в Москве. Раз работал, значит и жил - так рассудил суд. Нам было ясно, что это расправа за книгу и что одним годом здесь не обойдется. Надо ждать добавки в лагере. Так и случилось. Лагерный суд добавил еще два года "за распространение клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй".

После освобождения ему назначили поселение, под гласным надзором милиции, в г. Тарусе Калужской области. Но даже и здесь, под надзором, он продолжал сотрудничать в самиздате. И его снова арестовывают "за нарушение надзора". Все дело шито белыми нитками. Единственный "свидетель" участковый, которого Анатолий не впустил в квартиру в 8 часов вечера, когда он сидел со своими гостями. С участковым разговор шел через цепочку, и участковому "показалось", как утверждал он на суде, что разговаривал с ним не Марченко. Свидетелей, которые были в тот

вечер в гостях у Марченко, суд выслушать не пожелал. И он получил 4 года ссылки.

Таков этот "профессиональный уголовник". Да, судим пять раз. Но один (первый) приговор отменен. Второй, с точки зрения международного права, незаконен, а советский закон применен неправильно - жестоко, античеловечно. Третий, четвертый и пятый приговоры - политические расправы за вполне законные, но не угодные властям действия. Жизнь Марченко - ярчайший пример того, как бессовестно калечится жизнь честного труженика по произволу бюрократии.

Когда же А. Марченко не работал, тунеядствовал? - как утверждает фельетонист.

Работал он везде, всегда. Работает и сейчас, находясь в ссылке в Чуне Иркутской области. Одного рабского труда в лагерях 11 лет. В межлагерный период он тоже работал. И живя в Александрове, и живя в Тарусе. В газовом хозяйстве Тарусы он оставил о себе очень хорошую память. Кстати, Анатолий Марченко не пьет, и хрипотцы в его голосе никогда не было.

Умолчал фельетонист и о другом. А. Марченко лагерь сделал инвалидом. В Мордовских лагерях, отбывая свой шестилетний срок, он заболел менингитом, который дал осложнение на уши, и он оглох. Вот таков этот "тунеядец" с "сиплым, пропитым" голосом. Но ведь никого не накажешь за клевету. Клевета-то государственная, партийная - значит, "полезная" обществу.

Вот теперь, разобравшись, что за личности эти рядовые "тунеядцы", можно перейти и к главным действующим лицам "клуба тунеядцев" - к "группенфюреру" и "патриарху".

Начинается фельетон весьма экспрессивно. Бурная схватка за власть завершилась. Здорово! Непонятно только, кто же с кем сражался и за какие привилегии, - за право первым попасть в тюрьму? Но не будем придираться к "мелочам". Обратимся к главному: "В клубе двенадцати тунеядцев... выявлен наконец группенфюрер. Он же президент клуба. Им стал 52-летний член-корреспондент Академии наук Армянской ССР Юрий Орлов...". Благодарим за сообщение. Нам особенно приятно было узнать, что нами, т. е. Группой содействия выполнению Хельсинкских соглашений руководил не "некий Орлов", как об этом заявляло ТАСС, а член-корреспондент Академии наук Армянской ССР Юрий Федорович Орлов.

Совершенно невразумительного лепета фельетониста о "правосознании", этических и социально-экономических взглядах Ю. Орлова мы касаться не будем. Поскольку это написано тем бюрократическим слогом, который применяют, когда хотят "осудить чью-то мысль или книгу, не дав читателю ни малейшего

представления о ней" (Л. Чуковская). Так что, кто хочет ознакомиться со взглядами Юрия Федоровича Орлова, пусть делает это по его собственным произведениям и не прибегает к помощи таких толкователей, как В. Сергеев. Я, конечно, имею в виду только высказывания самого Юрия Федоровича, а не те "научные открытия", которые попутно совершает В. Сергеев, критикуя Орлова. Он, например, очень твердо и решительно поставил знак равенства между частной собственностью и капитализмом. Кто утверждает, что марксизм-ленинзм как наука не развивается, жестоко посрамлен "открытием" В. Сергеева. (Видимо, в соавторстве с КГБ.)

В. Сергеев все знает очень точно. Например, то, что "финансовая подкормка двенадцати воинствующих бездельников осуществляется издалека - из банковских подвалов Манхеттена и Сити... Учитывая это, ученый муж около трех лет назад по собственной инициативе бросил науку, дабы без остатка "отдаться политике" или, иными словами, прильнуть к золотым сосцам Манхеттена и Сити. "Армянская Академия наук безуспешно пыталась вернуть блудного сына в свой Физический институт в Ереване, но беглый физик не откликнулся на зов".

Но здесь информированность фельетониста оказалась не на уровне. Не было драматической истории о блудном сыне. Юрия Орлова просто уволили из академического научного института в Москве, а не в Ереване, и с тех пор милиция начала заботиться о его трудоустройстве... в сторожа или на другую столь же высоко научную работу. Дело дошло до этого, разумеется, не сразу.

Юрий Орлов прошел сложный путь борьбы и творчества. 1956 год. 20-й съезд. Юрий Орлов - тогда член КПСС, молодой кандидат наук - работает в Институте физики в Москве. На партийном собрании Института, посвященном обсуждению доклада Н.С. Хрущева на XX съезде, он произносит убедительную, строго аргументированную речь, направленную против соучастников сталинских преступлений. В резолюции, направленной в ЦК КПСС, собрание потребовало привлечь этих преступников к ответу. ЦК КПСС увидел в этом угрозу стабильности центрального руководства и распустил парторганизацию Института, назначив перерегистрацию членов партии.

Наиболее активные участники собрания не были перерегистрированы и выбыли из партии, в их числе и Орлов, а несколько человек, среди них тоже Орлов, были отчислены из науки. За них, особенно за Орлова, вступился Курчатов. Он говорил, что такие, как Орлов, будущее науки, и грозился сам уйти из науки," если те будут отчислены. Н.С.Хрущев вынужден

был посчитаться с Курчатовым, но поставил обязательным условием, что их отправят для работы на периферию. Ю. Орлов был направлен в Ереван.

Положение "штрафника", в каковом оказался Ю. Орлов, в нашей стране известно: придирки на каждом шагу, тормоз в научной работе, работа потруднее и т. п. Несмотря на это, Юрий Федорович совершает головокружительную научную карьеру: защита докторской диссертации, избрание членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР и через 10 лет (1966 г.) - приглашение в Москву в Институт, из которого был изгнан. Даже непосвященному человеку ясно, что такое могло произойти лишь с очень талантливым и трудолюбивым ученым. Курчатов не ошибался. Ю. Орлов действительно оказался ученым, совершившим неоценимый вклад в науку.

И вот снова работа в Москве, где общественное движение не только не угасло после 1956 года, но развилось. Явление Солженицына, а затем и Сахарова придало этому движению международное звучание. Втянулся в это движение и Юрий Федорович Орлов. За участие в этом движении его и уволили из Института. Уволили и до сих пор не допускают к научной работе. Но не таков Юрий Федорович, чтобы склониться перед произволом. "Настоящего ученого от науки отлучить невозможно", - говорит он. И действием утверждает это.

Он ведет теоретические исследования. Пишет научные статьи, посылает их для публикации в академических изданиях. Не публикуют - отправляет в зарубежные издания. И проводит научные семинары, на которых встречается со своими учениками и научными соратниками, чтобы обсудить важные научные вопросы. Все его друзья знали, что четверг - день семинара - для него "святой день". Никто из нас не покушался на этот день.

Юрий Федорович, уволенный из научного института, вел напряженнейшую научную работу. А еще ведь и хлеб зарабатывать надо. Только для лжецов Сергеевых золотой поток течет из Манхеттена и Сити, а нам, грешным, самим деньги добывать надо. И Юрий Федорович в дополнение к своей большой научной и общественной работе нагружается уроками.

Вот таков этот "тунеядец", "группенфюрер", "надежно упакованный" сейчас в Лефортовской тюрьме КГБ. Ну и, наконец, о "патриархе" Группы, каковым, по утверждению фельетона, является "69-летний Петр Григоренко".

Читатель, наверное, удивлен. Как же это 69-летний человек может быть причислен к неработающим бездельникам? Ведь в таком возрасте вроде бы и по закону можно не работать. Невольно возникает вопрос: а может быть, это с ним говорят

таким языком потому, что он никогда не работал, всю жизнь провел в праздном безделии? Разберемся с этим. А пока зададимся двумя вопросами.

Если вы слышите, что кто-то сделал предметом своего зубоскальства психическое заболевание человека, как вы назовете этого зубоскала? Наверное, и "подонок" для него будет слишком лестным именем? Ну, а если вы знаете, что зубоскалят, привлекая "бородатые" анекдоты о Наполеоне и Македонском, над человеком, который, будучи психически полноценным, после полутора лет следственной тюрьмы был насильственно упрятан в тюремную психиатричку и 5 лет содержался в ней в одиночном заключении, то сумеете ли вы найти имя таким зубоскалам? Я лично подобрать не могу. А ведь есть, оказывается, такие люди, и им даже трибуну всероссийскую предоставляют. Значит, определение для них крайне необходимо. А может, и управа на них нужна? Хотя бы в виде презрения всенародного?

Ну а теперь, что же это за "тунеядец"?

17 лет производительного (физического) труда в сельском хозяйстве и промышленности и 33 года службы в армии - от курсанта до генерала - с участием в двух войнах, в которых дважды пролита кровь (одно из ранений тяжелое) и одна контузия. Вроде бы не мало на одну жизнь. Для меня оказалось мало. Мне еще добавили 6,5 лет. Правда, в эти годы не я работал, а "работали" Сергеевы надо мной. Из этих 6,5 лет полтора года следственного изолятора, проще - застенков КГБ, и 5 лет одиночного заключения в так называемых специальных психиатрических больницах - тюрьмах самого худшего типа. Туда помещают всех политических, кого не рискуют судить даже специально подобранными советскими судами.

Значит, из 69 лет 56,5 годы участия в деятельности государства - 50 активного и 6,5 (уже в пенсионном возрасте) в качестве страдающей стороны. Почему же тунеядец? Может, Сергеевы настолько грамотны в марксистском смысле, что зачислили в стаж тунеядства 33 года армейской службы. Ведь война человечеству не нужна, значит, работа на войну - пустая работа, и получение денег за нее чистейшее тунеядство. Но нет! Сергеевы до этого не додумаются. Они как раз и поднимают шум о тунеядцах, чтобы спрятать истинных тунеядцев. Точно так, как вор кричит: "Держи вора!" Но об этом мы поговорим ниже.

В тунеядца я превращен за то, что, став пенсионером и получив максимальную трудовую пенсию (120 рублей), не стал кричать: "Спасибо партии за счастливую и обеспеченную старость!"- наоборот, я сказал, что пенсия эта в 2,5 раза меньше, чем положенная мне по закону. Я не говорю, что справедливо

получать больше труженика в 2,5 раза, я только указываю, что таков закон. И, следовательно, его надо выполнять, либо отменить для всех, а не для одного. Далее, я указал, что максимальная трудовая пенсия (120 р.) может обеспечить лишь нищенское существование для семьи из 3-х человек, даже если к этим 120 добавляется 21 рубль пенсии жены и 16 рублей, получаемых сыном - инвалидом детства. Правильность этого моего утверждения подтвердил и В. Сергеев, не сообразив, что пишет: "Дабы обеспечить ... подобающий образ жизни ... западные доброхоты время от времени подбрасывают Григоренко деньги и посылки". Кстати, эти "доброхоты" - мой родной сын и наши самые близкие друзья, эмигрировавшие на Запад и еще не забывшие, как трудно живется нашей семье.

Превращение меня в "тунеядца" обусловлено, верно, и тем, что я не занимаюсь "полезной" общественной деятельностью: не заседаю в жэковских "товарищеских судах", не участвую в квартирных сплетнях и склоках, не хожу вместе с другими пенсионерами по квартирам и не несу "партийное" слово в неорганизованные массы, т. е. не рассказываю красивых сказок о нашей счастливой жизни и нашем великом прошлом и не поношу Сахарова, Солженицына, Орлова и других "тунеядцев", а, наоборот, в меру своих, теперь уже небольших сил стремлюсь помочь им пробить хоть небольшое отверстие в стене, которую создала лживая и лицемерная пропаганда между народом и его лучшей, мыслящей частью. Я считаю это самым важным делом оставшихся лет, а может, и месяцев моей жизни. Ведь это мой 50-летний труд вложен в то, чтоб создать тот общественный порядок, при котором преступники, истребившие 66 миллионов советских людей, не только не наказаны, но окружены почетом и сами наказывают тех, кто пытается напомнить об их преступлениях. Это я приложил руку к тому, чтоб в стране утвердилось беззаконие, чтоб Сергеевы могли безнаказанно клеветать на честных людей и создавать фальсифицированные дела на них. Это моя прямая вина в том, что родители не могут жить в одной стране с любимым сыном и даже лишены возможности поговорить с ним по телефону. Это такие, как я, виноваты в том, что подслушивание (телефонное, квартирное, уличное) и перлюстрация писем стали обычным, будничным явлением, что народ обсели со всех сторон и обжирают его тучи чиновной саранчи.

Вот во искупление этих своих грехов я и тружусь.

За это Сергеевы и испускают на меня свою ядовитую слюну. За это обзывают вопреки фактам тунеядцем и утверждают, что Григоренко "люто ненавидит советский строй". Они прекрасно

знают, что это ложь. Великолепно понимают, кого и что я ненавижу. И так как сами они в числе тех, кого я ... пожалуй, только "ненавижу" им не подойдет ... презираю! Да! - они и бешенствуют. Они чувствуют, что не так далеко то время, когда и весь наш народ охватит такое же презрение, а может, и ненависть. Боясь этого, они свирепствуют и лгут, лгут, лгут...

Есть выражение "ложь во спасение".

Это не для них. Она их не спасет.

Мы с женой закончили чтение фельетона. Прочли еще раз, с комментариями. Зла не было. Все было настолько очевидной ложью, что это вызывало только смех. И мы смеялись. От души смеялись. И даже как-то немного успокоились. Ведь такой фельетон, как и письмо в "Литературке", - свидетельство не силы, слабости. Уверяют, что диссидентов ничтожная кучка, что они никого не представляют, что народ против них, а сами одного слова правды сказать о них боятся.

Но успокаиваться было нельзя. Вскоре пришло сообщение, что днем сегодня же в Киеве арестован руководитель Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений Микола Руденко и подтвердилось ранее полученное сообщение об аресте в Донецке члена Группы учителя Олексы Тихого.

8-го февраля арестовали и Юрия Орлова.

Машина террора продолжала действовать.

3. Неужели это Правда?

Итак, четверо арестованы. На двоих из них посланы ходатайства заменить меру пресечения - арест - на личное поручительство или под залог. Чего можно ждать в дальнейшем? Темно. И вдруг в "Правде"; "Что скрывается за шумихой о "правах человека" (12 февраля 1977 года, No43 /21378/).

Уже по заголовку ясно, что опять какие-то "враги" "клевещут" на Советский Союз. Но надо прочесть: получить основания для суждений о судьбе наших арестованных и о дальнейших действиях властей относительно правозащитного движения. Что же мы узнаем?

Первое и главное - великие достижения Советского Союза и других стран социализма.

- "... социализм обеспечил невиданные в истории темпы прогресса всех сторон жизни общества..."

- "В СССР построено развитое социалистическое общество..." (Что это такое? Ах, да:) "высшее достижение социального прогресса".

- "Народы социалистических стран уверенно смотрят в свое будущее. Перед ними открыты светлые перспективы".

- "Укрепление сплоченности социалистических стран,

углубление братской дружбы между их марксистско-ленинскими партиями значительно увеличивают объединенную мощь и влияние социализма на ход мировых событий". Ввиду чего "разрядка международной напряженности стала ведущей тенденцией современности".

Итак, поезд социализма мчится на всех парах, создавая своим ходом разрядку напряженности, и восхищенные "миллионы людей труда во всех концах планеты" выражают свой восторг успехам социализма, особенно "в деле укрепления всеобщего мира".

На эту светлую картинку, однако, падают черные тени.

- "Противники мира и прогресса взбешены" и "пытаются остановить прогресс разрядки, повернуть его вспять". В самих социалистических странах никаких помех разрядке, конечно, нет, но сторонники "холодной" и "горячей" войны не хотят считаться с этим и кричат о "советской угрозе", чтобы с помощью такой шумихи раздуть свои военные бюджеты. Но им и этого мало. Они "все более активно используют политические средства для того, чтобы расшатать социализм. Под дымовой завесой "защиты прав человека" развязывают враждебные ... пропагандистские кампании, пытаются вмешиваться во внутренние дела СССР и других социалистических стран". Естественно, что реализация договоренностей, достигнутых в Хельсинки, в таких условиях оказывается под угрозой. И неудивительно. Ведь "реализация этих договоренностей, как сказал в Туле Л.И. Брежнев, зависит от общего состояния политических отношений между государствами, как говорят - от уровня разрядки. Противники разрядки, отравляя международную атмосферу, лишь затрудняют эту работу".

Действительно, как же выполнять свои обязательства по правам человека, если суют нос в твои внутренние дела и орут как оглашенные об обнаруженных нарушениях? Просто работать не дают. Ты не успел еще и "расколоть" какого-то там вшивого диссидента, а кругом уже кричат, что ты нарушил принятые тобой обязательства - лишаешь человека права на убеждения, на получение и распространение информации. Так никогда никаких обязательств не выполнишь. Только и будешь что отбояриваться от всяких придирок. Нет, надо дать всем работать спокойно. Мы свою международную обязанность выполнили - приняли на себя определенные обязательства. А дальше - дело наше внутреннее, и вам к нам лезть нечего. Вот вопрос о границах - это дело другое: внешнее. Здесь надо контролировать выполнение. А гуманитарные статьи касаются вопросов внутренних, тут мы и сами хорошо знаем, что и как выполнять..

Ничего не скажешь - основательные суждения. Но вот беда - "реакционные империалистические круги ... не хотят мириться... с единственно разумным и приемлемым для всех народов курсом ... который прокладывают социалистические государства". А так как капитализм вместе с тем не может "противопоставить теории научного социализма сколько-нибудь целостную, привлекательную для масс социальную теорию", то он вынужден прибегать к "методам прямой идеологической диверсии и провокаций".

К тому же НАТО продолжает вооружаться. И это, несмотря на то, что Л.И. Брежнев в Туле сказал со всей определенностью: "От имени партии и всего народа я заявляю: наша страна никогда не станет на путь агрессии, никогда не поднимет меч против других народов". Правда, находятся злопыхатели, которые говорят, что только дураки верят на слово. Венгрии и Чехословакии, мол, тоже обещали никогда не вводить войск на их территории без ведома их законных правительств. А потом, не спросившись, вошли и навели свои порядки. Но это просто злостные наветы. Никто войск не вводил. Они просто вошли для оказания братской помощи. К тому же Чехословакия сама просила об этом. Соответствующее письмо в "Правду" подписали 99 рабочих. Так что Венгрия и Чехословакия не пример.

Но это пока было лишь вступление, вроде разминки перед соревнованием. Суть же статьи "Правды" начинается с заявления о том, что "последние недели отмечены новым всплеском явно клеветнической и провокационной кампании - на этот раз по поводу мнимых нарушений прав человека и свобод личности в социалистических странах".

Да, уж конечно, в СССР и социалистических странах нарушения прав человека могут быть только мнимыми. Это в ФРГ существует узаконенный запрет на профессии, а в СССР нет такого закона, там просто дается команда уволить не угодного властям человека и нигде его не принимать по его специальности. Но это "отдельные" случаи, с которыми "борются". Даже статейки в газетах на эту тему бывают. Правда, в газетах о действительно единичных случаях речь идет. И не о политических, а об обычных конфликтных увольнениях. Но все же, опираясь на них, можно утверждать, что право на труд гарантировано законом, а диссиденты не работают потому, что не хотят. И ничего с ними не поделаешь. Не хотят, да и все.

Но вернемся к статье "Правды". Первый документ, на который она набрасывается, - "Хартия - 77". Никогда в советской печати этот документ не публиковался и не излагался, но нам он известен. Коротко говоря, это свод нарушений прав человека,

чехословацкой Конституции и международных правовых актов, подписанных чехословацким правительством и ратифицированных установленным порядком. Документ этот можно повторить и для нашей страны. Ничего нового на эту тему сочинять не надо. Достаточно уточнить терминологию и наименования. Видимо, за это "Хартия - 77" обозвана "Правдой" "антисоциалистическим пасквилем", и о ней сказано, что она сфабрикована "группой правых контрреволюционных деятелей". Из этого можно сделать твердый вывод: изменять отношение к правам человека, международным правовым документам и Конституции СССР советское правительство не намерено, т. е. оно будет их нарушать, действовать по-прежнему беззаконно. Тот же вывод следует из тона, которым говорится о кампании "в защиту "прав рабочих", будто бы нарушаемых в Польше", а также "по поводу мер, принимаемых Германской Демократической Республикой для ограждения своих законных прав".

Но особенно злобно говорится о жалкой кучке "антисоветски настроенных людишек", клевещущих на свою родину, свой народ. Их в СССР якобы преследуют за "инакомыслие". А за что преследуют не "якобы", а на самом деле? - хочется спросить. Но, увы, вопрос напрасный. И без него ясно, что дальше пойдет низкопробная злобнейшая клевета в духе "Литературки" и "Голоса ...", но только без фамилий.

"Правда" начинает с того, что тщится доказать, будто выступления западных печати и радио скоординированы из какого-то одного центра. "Центр" не называется. Думайте о ком угодно, хоть про ЦРУ. Для доказательства приводятся цифры: за последнюю неделю января передано радиостанциями, вещающими на страны социализма, 120 материалов "в защиту прав человека", использовав их 320 раз. "Правда" видит в этом какую-то внешнюю силу, но не хочет увидеть то, что есть, - невероятный рост нарушений прав человека внутри. И именно эти нарушения создают то количество, которое так возмущает "Правду". Чтобы не было таких передач, надо убрать их причину - нарушения прав человека, Хельсинкских договоренностей.

Но "Правда" настойчиво стремится не к тому, чтобы исчезли нарушения. Для нее важно убрать сообщения о нарушениях. Поэтому она обрушивается на диссидентов, передающих сообщения о нарушениях, а не на нарушителей прав человека. Газета называет диссидентов отщепенцами, говорит, что они "ничтожная группка людей, которые никого и ничего не представляют, далеки от советского народа и существуют только потому, что поддерживаются, оплачиваются и превозносятся Западом. Их деятельность и взгляды чужды миру и социализму...

Эти отщепенцы, вступившие в своей борьбе с советским строем на путь прямого сотрудничества с зарубежными антисоветскими центрами, прикрывают свое нутро личиной "борцов за права человека".

Итак, обвинение в прямом сотрудничестве с зарубежными антисоветскими центрами. Изменой родине, вроде бы, попахивает?

Вот какая установка, оказывается, дана следствию: состряпать дело об измене Родине. "Правда" выбалтывает это и одновременно дает совет, как "разоблачить" "преступников", "маскирующихся" защитой прав человека. Оказывается, такие, как нынешние арестованные, когда попадают за рубеж, то "быстро раскрывают свое подлинное лицо", а "кое-кто из них подвизается на пресловутой радиостанции "Свобода"... Ага, знаем - это же станция ЦРУ? Вот вам и связь с этой опасной организацией. Забыли только малоуважаемые "правдисты", что для создания такой логической цепочки надо как минимум доказать, что арестованные состояли в одной организации с работающими на "Свободе", в "Континенте" и ему "подобных организациях". По этому вопросу я еще скажу специально в главке о диссидентах, а сейчас лишь подчеркиваю жульнический и зловещий характер указанной логической связи.

Далее "Правда" - в который раз! - разъясняет клеветнический характер утверждений диссидентов, что их преследуют за убеждения. "Между тем в Советском Союзе не преследуют за убеждения". Совершенно верно! Я это подтверждаю. Мне всего один раз это было объяснено. Да так впечатляюще, что я с тех пор больше по этому вопросу не спорю. В феврале 1964 года я впервые (не по своей воле) попал на Лубянку. Назначенному по моему делу следователю подполковнику (ныне он генерал) госбезопасности Георгию Петровичу (двойной тезка одного из моих сыновей) я высказал свое возмущение тем, что КГБ является органом преследования за убеждения, отличные от официальных. И он тихим, как бы вкрадчивым голосом неспешно объяснил: "Нет. Вы ошибаетесь, Петр Григорьевич, за убеждения у нас в стране никого не преследуют. Вас арестовали не за убеждения, а за то, что Вы их высказывали и этим наносили ущерб государству. Убеждения Вы можете иметь любые. За это Вас никто даже не упрекнет". В общем, как в известном анекдоте: "Можешь знать и думать обо мне что угодно, я ничего против не имею. А скажешь - получишь в рожу!".

Короче говоря, я сразу усвоил поучения Кантона и с тех пор твердо знаю, что, какое бы собственное суждение я ни высказал, я тем самым совершаю преступление. Не преступны только те

высказывания, которые являются не плодом собственной мысли, а взяты из газет (советских, разумеется), проверенных книг и указаний тех, кому доверено таковые давать. "Диссиденты" этого почему-то никак понять не могут. Поначитаются разных там Герценов и Огаревых о том, что "только выговоренное убеждение свято", что "немота поддерживает деспотизм" (обе цитаты заимствованы из книги Л. Чуковской "Свободное слово"), и кричат потом, что их преследуют за убеждения. Вот и приходится "Правде" еще раз объяснять, что это клевета, что арестованных А. Гинзбурга, Ю. Орлова, М. Руденко и О. Тихого будут судить не за их твердое убеждение, что Советский Союз не выполняет Хельсинкские соглашения, и даже не за то, что они вкупе с другими членами групп содействия представили факты, подтверждающие их убеждения, а за то, что в своей борьбе с "советским строем" вступили "на путь прямого сотрудничества с зарубежными антисоветскими центрами" и, "прикрывая свое истинное нутро личиной "борцов за права человека", клеветали на Советский Союз, обвинив его и "другие социалистические страны в нарушении Хельсинкских договоренностей", стремясь "посеять недоверие и подозрительность в преддверье Белградской встречи представителей стран - участниц общеевропейского совещания". (Это уже из другой "Правды" - за 20.02.77 г., из статьи "Международный обзор".)

Ясно, дорогой читатель, что таких людей надо было изолировать заблаговременно, не допуская до Белградского совещания? Ясно должно быть и за что судить будут этих четырех "отщепенцев". И я спрашиваю теперь: при чем же здесь какие-то убеждения. Судить будут не за них, а за "клеветнические измышления, подрывающие международный престиж Советского Союза" и за прочие неблаговидные дела: "за незаконное хранение оружия (а может, и за подготовку к террористическим актам), за валютные операции, за связи с иностранцами и еще не знаю, что "сфальсифицируют" (фу ты, какая оговорка - "вскроют") наши вездесущие бдительные органы.

Естественно, что против таких "преступников" и гнев народа должен быть возбужден. И "Правда" сообщает о массе писем, приходящих в редакции разных газет, на радио и телевидение, в "которых советские люди гневно осуждают и отвергают отщепенцев, продавшихся реакционным силам империализма". Вот оперативность! И откуда только узнали о вспышке отщепенства? И суда еще не было. Да и дела еще по-настоящему не заведены, а до общественности, конечно, вообще не доводились. А в письмах их называют "предателями" "врагами Советской власти". Да, на какие только подлоги и подлости не

пойдешь ради торжества "правосудия".

Разумеется, кучка отщепенцев "не представляет опасности для советского строя". В сталинские времена к таким сентенциям добавляли: "Она будет раздавлена, как мокрицы, сапогом пролетарской диктатуры". Теперь закончили на том, что "не представляет опасности". Я склонен поддержать эту оценку. Но только вопрос возникает: зачем же так беспощадно расправляются с "не представляющими опасности", зачем так злобно клевещут на них и зачем для их подавления содержат такой огромный аппарат в КГБ, МВД и пр. - сотни тысяч? Или, может, миллионы? Думаю, последнее верней. Но точно не знаю. Да и откуда знать. Наше правительство народное, не то что в какой-нибудь Дании, поэтому оно может и не отчитываться в таких "мелочах". И не отчитывается. Даже хранит сведения об этом как государственную тайну.

Кучка "отщепенцев" "не представляет опасности", а народу нашему "необходимо как никогда проявлять высокую политическую бдительность..." Ах, эта бдительность! Скольких миллионов жизней стоила она нашему народу. Тогда она тоже нужна была "как никогда". Бдительность? Нет, всеобщая подозрительность из этого призыва растет. Ведь речь идет не о призыве быть столь бдительным, чтобы не допустить развязывания войны, чтобы не остановиться потрясенным на улице, как летом 1941 года, от сообщения, что чужие войска идут по нашей земле, или не проснуться, как утром в другое лето (1968 г.) от голоса диктора, сообщающего, что наши войска вторглись на территорию другой страны. Нет, не к этой бдительности призывает нас "Правда". К подозрительности она зовет нас. К созданию такого климата в стране, в котором мог бы заработать, как при Сталине, весь, теперь очень слабо задействованный, могучий аппарат антинародных репрессий.

Далее "Правда" посвящает нас в замыслы организаторов и исполнителей "нападок на социалистические страны":

- "стремятся связать руки тем деятелям в правительствах западных стран, которые... выражают готовность к углублению отношений мирного сосуществования и делового сотрудничества с социалистическими государствами".

- "... насаждают неприязнь, подозрительность, недоверие между народами и государствами" (т. е. говорят о том, что в СССР нарушаются права человека П.Г.).

- "...размахивая флагом разрядки, пытаются вмешиваться во внутренние дела социалистических стран" (тоже речь идет о соблюдении прав человека - П.Г.).

- "...отвлечь внимание народных масс от глубокого кризиса

капиталистической системы... прикрыть неспособность этого строя решать насущные проблемы современности."

- "...разглагольствованиями о нарушении "прав человека" в странах социализма прикрыть отсутствие демократии в странах капитала".

- "... дискредитировать социализм, ослабить позиции социалистических стран ... бросить тень на успехи социалистических стран, ошельмовать их достижения, помешать народам знать правду о социалистическом обществе..."

- "...накалить атмосферу перед предстоящей через несколько месяцев в Белграде встречей представителей стран - участниц общеевропейского совещания в Хельсинки..."

- "...дезориентировать и расколоть прогрессивные социально-политические силы в капиталистических странах, дискредитировать с помощью нападок на реальный социализм идеи научного коммунизма, политические платформы коммунистических и рабочих партий, всех революционных движений, чтобы столкнуть одни - западные - компартии с другими - правящими партиями стран социализма".

Страшная картина! Жуткие замыслы врагов разрядки вкупе с советскими отщепенцами.

Но страхи эти из тех, что нагромождаются в сказке или наваливаются на человека во сне. Стоит закончить сказку, и мир снова светел. Стоит проснуться, и страхи исчезли.

Так и здесь. Стоит Советскому Союзу и социалистическим странам прекратить нарушать права человека, и все хитрые замыслы, которые доставила авторам статьи "Правды" "сорока на хвосте", рассыпятся в прах.

Ведь если бы советское правительство сделало хоть слабенькое движение на пути устранения нарушения прав человека, советских и международных законов, как Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений все свои материалы потащила бы в правительство и прекратила посылки их всем остальным государствам-участникам. Но советское правительство пошло по иному пути. Мы еще только договаривались о создании Группы и ее задачах, а КГБ, узнавший об этом путем подслушивания, начал ловить Ю. Орлова, чтобы вручить ему предупреждение, что за создание этой Группы и за работу в ней ему грозит арест.

За время существования Группы мы составили и послали всем правительствам-участникам около двух десятков меморандумов с изложением проверенных фактов нарушений прав человека. Ни одного факта советское правительство даже не пыталось расследовать. Но за это время власти приложили

огромные усилия, чтобы заставить Группу прекратить свою работу. Значит, советскому правительству нужно не выполнение Хельсинкских соглашений, а отсутствие сведений об их невыполнении. Советское правительство хочет, чтобы все осталось, как было до Хельсинкского соглашения, но чтобы все говорили, что такое положение вполне соответствует Хельсинкским договоренностям, что для Советского Союза то, что принималось в Хельсинки, было уже существующей реальностью. Иначе говоря, советское правительство принимало обязательства, которые оно выполнять не собиралось и пока что не собирается. Поэтому оно обрушивает удар на обе группы сразу. Оно думает, что четырьмя арестами ему удастся запугать остальных членов групп. Пустая надежда. Обе группы уже пополнились и продолжают работу. Следовательно, если власти "закусят удила", будут новые аресты. Мы во всяком случае готовы к этому.

И еще о восьми рассмотренных страхах. Они предназначены (явно) для "внутреннего употребления". Эти страхи обычная политическая трескотня, долженствующая воздействовать на умы советского народа и служить основой для выступлений агитаторов и пропагандистов, мобилизующих общественное мнение против "вредных" "отщепенцев". Что из этого получится - посмотрим. Но ясно, что страхи эти обязательно войдут в обвинительное заключение.

И еще об одном высказывании рассматриваемой статьи: "... капитализм, говорится в ней, - попирает самые элементарные права и свободы человека, в том числе и его священное право на самую жизнь". И далее высказывается возмущение по поводу тысяч и тысяч чилийцев "убитых фашистами Пиночетта", "ирландцев", погубленных "защитниками прав человека" из Лондона, негров, расстрелянных и замученных расистами в Южной Африке". Я тоже возмущаюсь всем этим. Но я не присоединяю свое возмущение к возмущению "правдистов". Их возмущение лицемерное. Хуже того, оно святотатственное по отношению к десяткам миллионов загубленных безвинных людей. Это страшное преступление всячески скрывается и замаскировывается.

В этой же статье пишется, в порядке организации возмущения против диссидентов, следующее: "Отданы тысячи жизней до революции и в революцию, сотни тысяч - в гражданскую войну, десятки миллионов (уточню - 44 миллиона) во время фашистского нашествия". Вот те и на! А где же те, что погибли от войны советского правительства со своим народом? Что это, мелочь, о которой и говорить нечего? Но Солженицын в "Архипелаге ГУЛаг" на основе статистических расчетов

профессора Курганова убедительно доказал, что это не "мелочь", а 66 миллионов человеческих жизней. И эту цифру наше правительство и КПСС даже не пытались опровергать. Сокрытие этого преступления от народа указывает на то, что "священное право человека на саму жизнь", о чем пишут "правдисты", не гарантировано прежде всего в Советском Союзе. Следовательно, воздыхания авторов статьи по этому поводу - лицемерие чистейшей воды, и я к их лицемерным и святотатственным воздыханиям не присоединяюсь.

И еще одна характерная черта официальных высказываний против критиков правительственных действий. "У нас есть трудности, - пишут авторы статьи, - и о них мы знаем больше и лучше, чем наши противники. Мы не скрываем их". Да полноте! А где же вы о них сказали, дали полный анализ, разобрали критические замечания? Не было этого. Вы умеете говорить лишь о "великих достижениях", а где-нибудь отдельным абзацем скажете: у нас есть недостатки, "о них мы знаем и работаем над их устранением". Попутно критики недостатков пополняют лагеря и тюрьмы.

Такова "правда", написанная в "Правде" и таковы наши соображения по этому поводу.

4. Планирование операции

"Операция" против групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений была несомненно хорошо спланирована и тщательно подготовлена. Это только гнилая западная демократия может позволить себе такой "неразумный" порядок, при котором преступника начинают искать после того, как совершено преступление. Да еще допускают адвоката к участию в следствии, выпускают подозреваемого под залог, а если держат под арестом, то дают свидания с родными и друзьями и не пресекают не организовывавшиеся властями выступления печати и общественности. В результате у них нередко получается конфуз. Вот Анджела Девис, вместо того чтобы быть осужденной за соучастие в убийстве, освобождена от уголовной ответственности и даже в героях ходит.

Социалистическое общество ничего подобного допустить не может. Если бы Андрей Сахаров, подобно Анджеле Девис, вручил кому-то из своих приверженцев оружие, а тот из этого оружия совершил убийство, то Сахаров был бы расстрелян раньше, чем кто-то успел высказаться в его защиту. Да и в обычном уголовном преследовании надоевших властям "антисоветчиков" нельзя допускть самотека. В плановом социалистическом обществе все должно быть спланировано.

Мне случайно удалось ознакомиться с тем, как

планировались провокационные процессы в сталинские времена, в частности "Шахтинское дело". Думаю, нет оснований рассчитывать на то, что ведущая сила ресталинизации - КГБ - не использует опыт 20-х и 30-х годов. Опираясь на тот трижды проклятый опыт и учитывая уже известные нам факты фабрикации дела против Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и против ее украинской соратницы, я попытаюсь изложить план КГБ по ликвидации этих групп. Не ручаясь за форму плана, за термины и сроки выполнения плановых мероприятий, я абсолютно убежден в правильности содержания плана. Вот вероятный его вариант:

"Утверждаю" КГБ - 60-й годовщине

Великого Октября

План операции "Карающий меч"

Цель: раскрыть и ликвидировать разветвленную сионистско-террористическую организацию, выступающую под названиями:

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Украинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Комитет по правам человека.

Инициативная группа по правам человека.

Советская группа "Эмнисти Интернейшнл"

Участники операции:

1. КГБ
2. Прокуратура
3. Милиция
4. Министерство юстиции
5. ТАСС и средства информации - по особому списку

Этапы операции и сроки:

1. Предварительная подготовка - 1 декада декабря 1976 года
2. Обыски - декабрь 1976 г. - январь 1977 г.
3. Подготовка общественного мнения - январь-февраль 1977 года.
4. Аресты - февраль - ? 1977 г.
5. Предварительное следствие - февраль-октябрь 1977 г.
6. Подготовка к судебному процессу - ноябрь 1977 г.
7. Суд - после празднования 60-летия Октября.
8. Послесудебная работа - после суда 1-2 месяца.

Прежде чем начать рассмотрение этапов операции, скажу несколько слов об "Утверждаю". Не знаю, кто утвердил этот план. Во всяком случае масштаб выше КГБ. Но, может, и никто не учинил утверждающей подписи, а утверждение состоялось в устной форме, чтобы не оставить факсимиле для истории. Если

так, то над планом вместо "Утверждаю" написано "Согласовано". Под этим подписи: КГБ, Прокуратуры, МВД, Министерства юстиции и представителя ЦК КПСС или Совета Министров, ведающего средствами информации. Теперь о содержании этапов.

1. 8-го декабря 1976 года в московском метро произошел взрыв. Были человеческие жертвы. Я не утверждаю, что это дело рук КГБ, но событие это использовано им немедленно и интенсивно. Виктор Луи, являющийся корреспондентом какой-то из западных газет, который часто подчеркивает свою связь с КГБ, сделал заявление, что взрыв дело рук диссидентов-террористов. Академик А. Сахаров немедленно выступил с резким протестом против этого провокационного заявления. Академика сразу же вызвали к заместителю Генерального Прокурора СССР, который сделал ему предупреждение, назвав его заявление клеветническим. Газета "Известия" поместила по этому поводу сообщение под кричащим заголовком "Клеветник предупрежден".

Таким образом, задача первого этапа решена. Поскольку заявление В. Луи ни КГБ, ни Прокуратура не дезавуировали, диссидентам наклеен ярлык террористов. Для рядовых граждан слово "диссидент" становится синонимом бандит, изувер, покушающийся на мирных граждан - стариков, детей, женщин. Да к тому же они еще и клевещут на нашу советскую власть, на родное наше КГБ. Миллионы докладчиков и информаторов на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, колхозах и совхозах распространяют эту клевету, да еще добавляют сюда сионистов и агентов мирового империализма. Теперь диссидентов можно и брать. "Гнев народа" против них обеспечен.

2. В том же декабре 1976 г. провели обыски у членов Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Как всегда в таких случаях, изымали книги, рукописи, самиздат. Но появилось и новое. Впервые за послесталинский период подбрасывали "компрометирующие материалы". Миколе Руденко подброшено 39 американских долларов. Олесю Берднику - порнографические открытки, а Олексе Тихому - даже оружие (немецкая винтовка времен 2-й мировой войны). Характерной для этих обысков была и не встречавшаяся прежде грубость.

Расскажу об обыске у члена Украинской группы Оксаны Мешко. Этой женщине 73 года. В сталинские времена она отбыла 10 лет лагерей. Когда вернулась оттуда в 1954 году, сын отказался с ней говорить, так как она "враг народа". С трудом пришлось матери преодолевать отчуждение, воспитанное в сыне школой и окружающей средой. В 1956 году она была реабилитирована, и полковник КГБ, выдававший ей справку о

реабилитации, сказал: "Родина просит прощения у Вас".

Сейчас ее тяжело больной сын (туберкулез) отбывает семилетний срок "за антисоветскую пропаганду" во Владимирской тюрьме. И мать, которой пришлось долго и упорно бороться за душу сына, теперь борется за его жизнь. В письме Леониду Ильичу Брежневу она написала: "Мой сын, Олесь Сергиенко, тяжело болен, а я стара и тоже больна. Если сын останется в заключении, мы можем никогда не увидеться. Освободите его. Я 10 лет провела в сталинских лагерях. Меня реабилитировали и от имени Родины просили прощения. У меня тогда нечего было попросить у Родины. А сейчас есть. Я прошу отдать мне сына. Зачтите ему тот срок, который я отбыла ни за что. Он тоже сидит ни за что, и я верю - придет время, когда его реабилитируют. Но мы с ним можем не дожить до этого. Поэтому я прошу зачесть ему мой срок". Л.И. Брежнев никак не откликнулся на этот материнский вопль. Пусть совесть будет ему судьей за это. Но откликнулось КГБ. К ней пришли с обыском. И такой опасной представилась этой банде громил старая больная женщина, что, пока она шла через две комнаты к наружной двери, чтобы открыть ее, у нее в морозный зимний день выломали окно и через него ворвались в квартиру.

Обыск вели грубо, ломали, рвали, разбрасывали, опрокидывали вещи. Когда ей предложили раздеться для личного обыска, она потребовала ордер на таковой. Вместо ордера ей скрутили руки и начали срывать одежду. Она потеряла сознание, пришлось вызывать скорую помощь. После приведения ее в сознание обыск продолжался в том же стиле, хотя врач скорой помощи предупредил, что ей нужен покой. Вместо покоя ее довели до второго сердечного приступа и вторично вынуждены были вызвать скорую помощь. Вот как торжествует "советская законность". Новые сталинцы под руководством нового маршала начали снова старый сталинский произвол.

В январе 1977 г. обыски докатились до Москвы. Обыскали членов Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР Юрия Орлова, Александра Гинзбурга, Людмилу Алексееву. Предупрежденные киевлянами москвичи внимательно следили за тем, чтобы не подбросили чего-нибудь. Жена А. Гинзбурга - Арина Жолковская - по существу за руку поймала подбрасывавшего ей иностранную валюту, но, несмотря на это, в протокол обыска вписали "найденные в ее квартире 1000 немецких марок и 100 американских долларов". Таким образом, задача второго этапа тоже была выполнена: у диссидентов "нашли" оружие и валюту, что указывает на их террористические намерения и на то, что они имеют валютные поступления с

Запада.

3. Имея такие материалы, можно было начинать третий этап-подготовку общественного мнения, организацию "гнева народного". И начали. Появляется письмо "очевидца", "инакомыслящего" А. Петрова (Агатова). Оно очень убедительно для неинформированного читателя, для тех, кто не знает, что "социально близкий" органам КГБ мошенник Петров является их платным осведомителем или, как говорили в дореволюционной России, провокатором.

Затем заголосил "Голос Родины". Он тоже дал "убедительный" материал против диссидентов, если учесть, что опровергнуть опубликованную там явную ложь негде. У неинформированного читателя остается только одна возможность принять написанное за истину. Для него диссиденты тунеядцы, находящиеся на содержании у империалистов.

И, наконец, высказалась "Правда". До какой же мерзости падения нужно дойти, чтобы под рубрику "Правды" (правды!!) помещать то, что написано в статье "Что скрывается за шумихой о "правах человека". Здесь что ни слово, то ложь, но зато советским трудящимся после прочтения этой статьи станет ясно, что диссиденты в СССР "...жалкая кучка антисоветски настроенных людишек, клевещущих на свою родину, свой народ", "...которые никого и ничего не представляют... и существуют... только потому, что поддерживаются, оплачиваются и превозносятся Западом". Это "... отщепенцы, вступившие в своей борьбе с советским строем на путь прямого сотрудничества с зарубежными антисоветскими центрами..."

Итак, решена задача и третьего этапа. Ведь это же готовое обвинение в измене Родине. Суду остается только оформить это обвинение своим решением и назначить меру уголовного наказания. Судья иначе поступить не в состоянии. Ведь он член партии. А это директива ее центрального органа. Центральный орган позаботится и о "возмущенном народе". Он приводит образец того, как надо отнестись к диссидентам: "Советские люди гневно осуждают и отвергают отщепенцев, продавшихся реакционным силам империализма: "Предателями, врагами Советской власти" называет их, к примеру, Г. Жуков, ветеран Великой Отечественной войны из г. Гомеля. "Им, этим моральным уродам, в семье великого советского народа не нравится... Народная власть, добытая и защищенная в кровавых тяжелых боях, им ненавистна..." и т. д.

Пусть попробует кто возразить против превосходства нашей плановой, руководимой ленинской партией судебной системы над гнилой буржуазно-демократической системой. У нас все

заранее разумно подготовлено, организовано... И никакой самодеятельности.

4. Теперь можно приниматься и за аресты. 3-го февраля в 8 часов вечера Александр Гинзбург вышел из квартиры, чтобы позвонить по телефону-автомату. Квартирный телефон властями был предусмотрительно выключен. А. Гинзбургу не только жить с семьей было запрещено. Он, находясь вне семьи, не мог даже по телефону поговорить с нею.

Через 5 минут он должен был возвратиться. Не возвратился и через час. Жена и друзья в тревоге начали поиски. К 12 часам узнали от дежурного по КГБ, что "за совершенные преступления" он арестован.

Даже по советским законам А. Гинзбург аресту не подлежал. Только за два дня до этого он был выписан из больницы после перенесенного воспаления легких, осложненного туберкулезной интоксикацией. На руках у него было освобождение от работы ("больничный лист") и направление в специализированную клинику. Но его арестовали. Как же не арестовать! Ведь он уже обвинен. И в газетах о том написано. А попробуй доказать обвинение, если он на свободе. Нет, арест, только арест. И его арестовали. Да еще и по-особому. Его ждали на улице и схватили, когда он вышел из подъезда. Схватили как бандиты - из засады. Он был легко одет, но его не завели в квартиру, чтобы, как в "жестокие" царские времена, дать возможность одеться по сезону и захватить тюремный мешочек. А между тем знали, что впереди 200 км (в следственный изолятор КГБ г.Калуги) в холодной (неотапливаемой) машине при 20-градусном морозе. Мы еще не знаем, как он перенес этот путь и не схватил ли повторное воспаление легких. Связи с ним ведь нет. И не будет до самого суда.

Жене только на следующий день сказали, что он в Калуге. А следующий день пятница, т. е. предвыходной. Значит, именно в этот день надо успеть свезти в Калугу и теплые вещи, и продуктовую передачу. Только в таких случаях по-настоящему прочувствуешь диссидентскую взаимопомощь. Нашлась и машина для поездки, и добровольные помощники для закупок и сопровождения. Теплые вещи и продукты прибыли в Калугу, в тюрьму, своевременно.

А почему, собственно, в Калугу? Ведь то, за что арестовали (участие в работе Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и руководство оказанием помощи из Солженицынского фонда политзаключенным и их семьям) делалось в Москве, а, значит, и дело должно вестись там.

Но нет! Москва не подойдет. Здесь и семья, и друзья, и

иностранные корреспонденты. Нет, подальше от Москвы. А как обосновать Калугу - посмотрим. Впереди же предварительное следствие.

Почти одновременно с Александром Гинзбургом арестовали "за незаконное хранение оружия" члена Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений Олексу Тихого.

В субботу 5-го февраля на улицах Киева арестован руководитель Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, выдающийся украинский поэт, писатель-фантаст и философ Микола Руденко. К нему, как и к Гинзбургу, по закону следовало применить иную меру пресечения, чем арест. Микола Руденко инвалид Великой Отечественной войны. У него тяжелое ранение в крестцовую область с повреждением позвоночника. Ему, чтобы держаться на ногах, нужно постоянно выполнять комплекс санитарно-гигиенических и лечебно-физкультурных мероприятий, которые в тюремных условиях невыполнимы.

Очевидно, что тюрьма может угрожать его жизни. Но какое имеет значение жизнь одного человека, когда дело идет об интересах плана. Ради этих интересов можно еще и дополнительно ухудшить положение человека. С Миколой так и поступили. Его увезли из Киева подальше от семьи и друзей - в Донецкую область.

Это совсем непонятное действие, если судить по советским законам, т. к. М. Руденко никогда не проживал и ни с какими делами в этой области связан не был. Но не будем удивляться. Ведь все это планом предусмотрено. А в план ничто без соображения не включается. Дойдем до этапа предварительного следствия и посмотрим - может, и поймем непонятное.

11 февраля арестовали и Юрия Орлова. Почему с таким запозданием? Думаю, присматривались, какая будет реакция на аресты участников правозащитного движения в СССР и на Западе. Сами же работники КГБ пустили слух, что они его "найти не могли". Это смехотворное утверждение, ибо Юрий Федорович работал над своей научной темой в Подмосковье - там, где он неоднократно работал и до этого. Чтоб органы КГБ, осуществлявшие непрерывную слежку за Орловым, не знали, где он, - в это поверить нельзя.

Закончились ли аресты на этом? Не думаю, но утверждать, что они будут продолжаться, и тем более, предсказать, кого еще из нас возьмут, не могу. Ведь я же план все-таки не видел и сужу о его содержании только по тому, что уже произошло и по аналогии с предыдущими делами моими и моих друзей. Сейчас

твердо можно сказать только одно - предварительное следствие уже началось и новые аресты будут находиться в большой зависимости от его хода.

5. Эта работа пишется, когда предварительное следствие начато, но обвинение предъявлено только Олексе Тихому - "незаконное хранение оружия". В отношении Миколы Руденко жене сказали, что он арестован и препровожден в Донецкую область по делу О. Тихого.

Из этого можно заключить, что один из важнейших и основополагающих узлов предварительного следствия находится в Донбассе. Микола Руденко не может быть причастным к делу о "незаконном хранении оружия" О. Тихого, даже если бы тот действительно хранил это оружие. Не может, хотя бы потому, что не имел контактов с Тихим и впервые приехал к нему из Киева в день обыска у Тихого. Значит, он мог быть лишь свидетелем того, как была "обнаружена" винтовка при обыске. Но свидетелей не арестовывают и не перевозят как арестантов. Их вызывают по повестке. Значит, Миколу привлекают как соучастника. Поскольку же соучастие в хранении исключено, в Донбассе применяется к двум названным диссидентам другая статья. Скорее всего - "подготовка террористического акта". Если так, то становится ясным и то, почему этот узел завязывается именно в Донбассе.

Сталин сам был рабом веры во всемогущество рабочего класса, в его прогрессивную революционную роль. Поэтому он ждал отпора своей диктатуре прежде всего из крупных рабочих центров. Поэтому карательные органы в Донбассе были особенно сильными, жестокими и беспощадными. Донецкие тюрьмы пользовались еще более зловещей славой, чем Лефортово и Лубянка. Недаром же даже Солженицын фактически не встречал зэков из Донбасса и не слышал рассказов о них. Их забивали на месте.

Судить ГБ-чекистских палачей, как известно, не судили. Некоторое количество их только уволили из органов. В силу этого выработавшаяся в сталинские годы традиция не была выкорчевана. Она лишь слегка приглушена. Естественно, что сейчас, когда в стране развертывается по всему фронту интенсивная работа по восстановлению сталинской идеологии и соответствующих ей порядков, восстанавливаются и прежние методы КГБ. Ясно, что Донбасс, где влияние сталинских элементов осталось особенно сильным, должен занять и, вероятно, уже занял ведущее положение в деле возрождения сталинских методов. Вероятно, что центр верит, что в Донецке сумеют превратить в террористов кого угодно. И физически для

этого лучше всего подходит Микола Руденко. Через огромный провал, сделанный у него на спине фашистской разрывной пулей, легко достигнуть внутренних органов. А это довольно убедительный "аргумент" для "доказательства" любой вины.

Я, вместе с моей женой Зинаидой Григоренко, адвокатом Софьей Каллистратовой, академиком Андреем Сахаровым, его женой Еленой Боннэр, доктором физико-математических наук Валентином Турчиным и Александром Корчаком и с писателями Львом Копелевым и Лидией Чуковской, подписал два заявления в прокуратуру, в одном из которых мы просим учесть состояние здоровья Александра Гинзбурга, а в другом - Миколы Руденко и освободить их из заключения до суда под наше личное поручительство или под залог, разумную сумму которого должны определить органы прокуратуры. Не только гуманизм, но и буква закона обязывает удовлетворить нашу просьбу. Но она не будет удовлетворена*. По той простой причине, что при этом никакого дела не получится. Чтобы отработать "террористов", всех надо держать в заключении. И в первую очередь наиболее физически уязвимого М. Руденко.

* Так и получилось. На ходатайство об изменении меры пресечения А. Гинзбургу ответа не последовало. В ответ на аналогичную просьбу о М. Руденко ответили, что "изменить меру пресечения не представляется возможным". Мотивы не указаны (прим. ред.).

Каков же дальнейший план?

Создатели плана понимают, что М. Руденко и О. Тихий не те люди, из которых можно быстренько сварганить "террористов". И пока из них будут выдавливать показания, надо чем-то занять двух других арестованных. Ну, с Юрием Орловым ясно. Начать разработку обвинения в "измене родине". А что делать с Александром Гинзбургом?

В сентябре 1976 г. двое подростков в Тарусе убили старуху Елизавету Сергееву и похитили иконы. Во время следствия какие-то типы опросили огромное число тарусских мальчишек - не покупал ли у них иконы Александр Гинзбург. Ни один из этих ребят не сообщил таких данных. Возможно, что такие же вопросы задавались и обвиненным на следствии, но самого А. Гинзбурга к следователю не вызывали. В ноябре 1976 г. это дело закончено. Один из убийц осужден на 5 лет, второй умер на следствии (при каких обстоятельствах - неизвестно). Таким образом, дело это закончено.

Но вот появляется "очевидец" - А. Петров - и заявляет, что Гинзбург занимается незаконной скупкой за "бесценок" икон. "В Тарусе мне рассказали такую историю, - пишет он. - Подростки в

городе знают, что "борода", как они зовут Гинзбурга, платит за иконы, по слухам, до двадцати рублей за штуку. Им самим он, правда, платит по 2-3 рубля, но обещал давать больше, если они достанут "лики святых", причем, старые, оставшиеся еще от позапрошлого века. Они ответили: достать-то можно, только самые лучшие у старухи Елизаветы Сергеевой, а она сама не дает. Решили украсть".

Такое мог сочинить только дуболомный лоб КГБиста. Во-первых, в Тарусе А. Петров не был не только в сентябре, но и вообще в 1976 году, а в 1975 ом его пребывания были столь редки и кратковременны, что он просто физически не мог поговорить ни с какими подростками. Во-вторых, совет добывать только "старые", оставшиеся от позапрошлого века "лики святых" мог дать разве что идиот. Ни один тарусский школьник, да и сам Петров не отличит икону XVIII века от творения богомаза начала XX века. "Старая" для тарусского мальчишки это та, что потемнела от времени и неочищена. Но авторов письма это не волнует. Для них важнее втиснуть: "решили украсть" иконы у старухи Елизаветы Сергеевой. Кто решил? В чем выразилось это решение? Какое имеет к нему отношение Гинзбург? Ответа не ищите. Да он и не нужен тем, кто водил рукой А. Петрова. Для них важно, чтоб был свидетель того, что вопрос об иконах убитой старухи обсуждался подростками с Гинзбургом.

Думаю, что, пользуясь "свидетельством Петрова", следственные органы попробуют пристегнуть Гинзбурга к делу об убийстве Елизаветы Сергеевой. Поживем - увидим. Но если я прав, то об освобождении Гинзбурга до суда не может быть и речи. Освободишь - значит, никакого "иконного дела" не получится. А оно нужно, очень нужно. Если "доказать", что Гинзбург занимался "незаконной скупкой икон", облегчается и доказательство его "увлечения" валютными операциями.

Дальше все просто.

Юрий Орлов - изменник Родине. Это следствие, безусловно, "докажет". Ведь не может же ошибаться "Правда", заявившая, что такие, как Орлов, отщепенцы вступали "в своей борьбе с советским строем на путь прямого сотрудничества с зарубежными антисоветскими центрами".

Александр Гинзбург - "скупщик краденого" (икон), а может, и "соучастник" ("подстрекатель") убийства Елизаветы Сергеевой и к тому же валютчик. Газеты обо все этом уже написали, а советские газеты ведь "не врут" и даже "не ошибаются". Они пишут только "истинную правду".

Что ж, два отдельных дела?

Э, нет, так у нас не бывает!

Мы забыли, что в Донецке раскрыта "террористическая группа". И один из этой группы - М. Руденко - безусловно, связан с А. Гинзбургом. Ведь недаром же ему подкинули...(фу ты, какая "клевета") - у него "нашли" при обыске 39 долларов (американских, конечно, тех самых, что из подвалов манхеттенских банков). Почему 39? Что за некруглая цифра? Ведь вот сумели же "найти" у Гинзбурга ровно сотню долларов и ровно тысячу марок ФРГ, которые каким-то образом, видимо, тоже оказались в Манхеттенских банках.

Почему же у Миколы так некругло? Ну, нашли бы 30 или, скажем, 40. Нет, 30 никак нельзя! Это в переводе на советские меньше 25 рублей. А для того чтобы "потянуло" на "валютную операцию" надо не меньше 25 рублей. Вот 39 долларов это и кругло (30 рублей), и на "валютную операцию" тянет с пятирублевым перекрытием. Так что сомневаться не надо - "найдено" сколько надо и у кого надо.

Значит, Гинзбург и Руденко занимались валютными операциями. И не просто занимались - каждый сам по себе, а совместно. Они были знакомы. Встречались друг с другом и, значит, делали дела вместе. Для этого они и маскировались под членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Следовательно, их дела надо свести в общее дело. Но Руденко по "террору" связан с Тихим. Выходит, надо сводить все три дела.

Три человека (а может, к тому времени и больше) - это же группа. А где же руководитель? А, Юрий Орлов! Забыли?

Нет, он не забыт. Его все это время "уличали" в связях с иностранными, т.е. западными антисоветскими, центрами. Вот он и придаст законченную форму "террористическому, тесно связанному с уголовными элементами - убийцами, валютчиками, лицами, занимающимися кражей и скупкой культурных ценностей (икон древнего письма и еще Бог знает чего), антисоветскому "центру", работавшему по заданию и под руководством западных антисоветских центров, на деньги Манхеттенских банков. Звучит!! Да это будет дело, которое положит начало широкому походу против "клевещущих" и "сомневающихся", против "непатриотических элементов", раболепствующих перед Западом"*.

* Предсказания мои не сбылись, "комплектовать" "террористическую" группу не стали. М. Руденко и О. Тихого судили отдельно. Ю. Орлова, А. Гинзбурга и позднее арестованного А. Щаранского держат до сих пор без суда. А для них угроза группового процесса не снята. Аресты в Литве, Грузии, Армении и дополнительно на Украине указывали на то, что КГБ, маневрируя в связи с волной протестов на Западе, не отказался от

идеи создания условий для более массовых репрессий (прим. автора, ноябрь 1977г.).

6. Подготовка процесса и после столь "тщательного расследования" дело ответственное и хлопотное. Людям, не искушенным в юридических тонкостях, все представляется просто. Они думают, что если хорошо проведенное следствие раскрыло обстоятельства и выявило виновных, то составу суда до начала процесса надо лишь изучить следственные дела и подготовиться к исследованию дела в суде. Это глубокое заблуждение.

В политических процессах для суда самое важное - это наметить и провести в жизнь такой план судебного следствия, чтобы истинная суть дела, т.е. то, что является действительной причиной судебного преследования обвиняемых, ни разу за время судебного заседания не всплыло на поверхность. Нужно добиться, чтобы никто не сбился с разработанного маршрута и не помешал "толочь воду в ступе" путем повторения без конца в различных вариациях формулировок Уголовного кодекса, чтобы не прорвалось живое слово, срывающее фальсификаторский покров и обнажающее ту простую истину, что судят людей, ничем не погрешивших перед законом.

Очевидно, что для такой "работы" нужны совершенно бессловесные судья и прокурор. Вот их-то в первую очередь и надо подобрать при подготовке к процессу. Мало этого - надо подобрать закулисного руководителя процесса. Он не совсем закулисный, конечно. Наоборот, он сидит перед "сценой" в зрительном (то бишь - судебном) зале. Но он должен занимать такое место, с которого удобно подавать "руководящие" сигналы и при этом быть настолько опытным, чтобы делать это, не привлекая к себе внимания публики. Хотя... что ж, публика! Она тоже должна быть своя, верная, лучше всего набранная из работников КГБ. Но если часть не оттуда, то проверенные, надежные люди. Правда, кое-кого из "чужих" придется пропустить. Ведь как отказать, например, жене или матери пройти на "открытый" процесс. Приходится пропускать, хотя они и очень вредные. Они, например, имеют отвратительную привычку рассказывать обо всем, что они слышали и видели на суде. А нежелательным элементам, которые спят и думают о том, как бы разузнать, что происходило на "открытом" процессе, только это и нужно. И они, расспросив родственников, стремятся как можно шире распространить их рассказ, то есть совершают акт "распространения клеветнических измышлений, позорящих советское правосудие".

Значит, надо, во-первых, чтобы нежелательных элементов

(родственников) было в зале как можно меньше. Для этого следует судебный зал подобрать поменьше. Тогда можно сказать и родственникам: "Что ж, одних родственников пускать? Надо же и другим послушать!" И пустит в зал, как, например, в процессе Андрея Твердохлебова, его мать, но не пропустить отчима. Во-вторых, надо так организовать дело, чтобы допущенные родственники поменьше услышали и запомнили. Для этого всем им вручить повестки как свидетелям и вызвать для допроса последними. А когда они окажутся в зале, внимательно следить, чтобы кто-нибудь не произвел магнитофонную запись или не сделал письменных заметок. Таких из зала немедленно удалять, а записанное отбирать и уничтожать.

И, наконец, очень важно территориально правильно выбрать помещение суда. Если в Москве, то где-нибудь на окраине или в глухом тупике, где из-за захламленности территории пройти трудно, а вблизи никакого укрытия от холода и непогоды, а пойти перекусить некуда, но зато милиции удобно, не привлекая внимания посторонней публики, гонять проклятых диссидентов с места на место, а при случае и руку приложить и кого надо отправить на 15-суточные осуждения, добиваясь всем этим, чтоб диссиденты разошлись и не могли ничего узнать о процессе непосредственно на месте. Потом родственники расскажут, конечно, но сколько важного забудут, если не расскажут сразу - по горячим следам.

Но куда бы в Москве ни переносился суд, какое бы глухое место для него ни избиралось, Москва для политических процессов место самое неудобное. Во-первых, здесь много диссидентов, которые придут к зданию, где идет суд, как бы труден ни был туда доступ. Во-вторых, в Москве иностранные корреспонденты, присутствие которых мешает "нормальной" деятельности милиции. В-третьих, к месту суда едут городским транспортом, и перехватить их по пути трудно. То ли дело при поездке из Москвы в другой город. Можно перехватить на станции железной дороги, в аэропорту, на автовокзале. Поэтому политические процессы из Москвы лучше всего выносить. Так будет поступлено и с процессом Орлова Гинзбурга - Руденко - Тихого (а может, "и других"). Где будут процесс - ясно. Руденко уже доставлен к Тихому. Не везти же "валютчика" Руденко, который по своей "террористической" деятельности связан с О. Тихим. Значит, повезут Гинзбурга к Руденко и Тихому*. Ну, а когда "выяснится", что всей этой "бандой" руководил академик Орлов, то и его повезут к ним. Не везти же трех (или даже больше) к одному. Ну, а процесс назначат в каком-нибудь шахтерском поселке, где заметен каждый новый человек.

* Фактически этого не произошло. Скорее всего потому, что помешал мощный международный протест. КГБ пришлось перестраиваться на ходу (прим. автора ноябрь 1977 г.).

Особое место в подготовке процесса занимает назначение приговоров. Люди думают, что это делается во время самого процесса, когда судьи удаляются в совещательную комнату для вынесения приговора. Это наивное представление. Может, где-то так и делается. Может, и у нас так поступают в уголовных процессах (не во всех), но в политических такая неорганизованность недопустима. Партия в лице ее иерархии такого допустить не может. Судья, входя в зал судебного заседания, уже твердо знает, чего потребует прокурор для каждого из подсудимых и какие приговоры будут вынесены судом. В этом именно преимущество советского образа правления. Никакой самодеятельности. Все проверено, согласовано, приговора научно обоснованы.

Мне не удалось рассмотреть ту часть плана, где изложены приговоры, но я хорошо видел, что там есть один или два смертных приговора. Да и как же без этого обойдешься, если имеешь дело с "террористами", "валютчиками", "платными агентами" западных антисоветских шпионских центров.

7. И вот суд. Все как будто подготовлено и решено. Осталась вроде бы пустая формальность. Ан нет! Инкриминированные подсудимым статьи Уголовного кодекса к делу пришиты весьма непрочно. А именно на их основе надо вынести "справедливый приговор" - достойно наказать за не угодные властям вполне законные убеждения и действия. В данном процессе власти должны расправиться за разоблачение грубого нарушения Хельсинкских соглашений и за помощь политическим заключенным СССР и их семьям. Но об этом в открытых заседаниях суд и обвинитель говорить не будут. Их задачи - соблюсти видимость доказанности несовершавшихся преступлений - подготовка "террористических актов", "валютные операции", "антисоветская пропаганда", "связь с зарубежными антисоветскими центрами". У суда очень трудная работа - не дать развалиться зданию фальсификации, построенному следствием. Мало того, требуется так провести судебное следствие, чтобы лишить "диссидентов" возможности проследить за ходом суда, записать его и тем самым получить материал для рассказа правды о суде, что, как известно, квалифицируется в советском праве как "распространение клеветнических измышлений на советское правосудие".

У руководителя процесса - того, который из зала наблюдает за прокурором и судьей, следит, чтобы они не отступили от

заранее составленного сценария, есть и еще одна задача: обезопасить процесс со стороны народных заседателей и адвоката и укрепить в ходе суда волю судьи и прокурора. Хотя и маловероятно, чтобы адвокат или хотя бы один из народных заседателей не согласился с судьей и прокурором. Они ведь, как и все советские люди, воспитаны в духе беспрекословного повиновения указаниям партии, а судья и прокурор являются выразителями этих указаний. Кроме того, адвокаты и народные заседатели в такие процессы назначаются только из числа имеющих специальные допуска КГБ. И все же приходится опасаться. Слишком белыми нитками шито обвинение, поэтому адвокат из чувства профессионального долга, а кто-нибудь из заседателей под воздействием совести может начать "выпарывание" белых ниток. Чтобы этого не произошло, проводятся закрытые судебные заседания, на которых КГБ представляет на обозрение составу суда, прокурору и адвокату "надзорное дело".

Это досье на подсудимых. В нем собрано все добытое о них наблюдением, подслушиванием, перлюстрацией корреспонденции, через доносы и другими путями. Это их действительное дело, а не вымышленный "терроризм", "валютные операции" и прочая чепуха, о которой твердят на процессе. Здесь их истинные взгляды, их общественные заботы, их боль, суждения о внутренней и внешней политике страны, о руководящих деятелях партии и государства и т. п. И вот это все - специально подобранное, тенденциозно освещаемое - преподносится ошарашенным слушателям. В заключение с обычным для нашей страны лицемерием говорится: "Ну что же, в обвинительном заключении, может, и не все доказано. Но вы видите, что это за люди, каковы их убеждения, как они судят о нашей советской действительности. Это не наши люди. Из этого надо и исходить, а не гнаться за юридическими "тонкостями". Очевидно, что это достаточно убедительно для рядового советского человека и тем более - для чиновника. Он, если и не поверит обвинению в "терроризме", "валютных операциях" и пр., то и возражать не станет. Побоится. И успокоение своей совести найдет: "Я ему ничем не помогу. Ведь КГБ действительно о нем все знает". Что это "все" преступлением не является, об этом обыватель не вспомнит. Намеченный по плану приговор будет вынесен*.

* Процесс Руденко - Тихого является ярчайшей иллюстрацией к изложенному по 6-му и 7-му пунктам плана (прим. автора - ноябрь 1977 г.)

8. Основная масса людей думает, что судом все и закончилось. Ан, нет! В таких процессах, как этот, предстоит

большая послесудебная работа. Надо, во-первых, получше самортизировать возмущение общественности. Тут большую роль сыграют смертные приговоры. Людям свойственно бросаться на защиту прежде всего жизни себе подобных. Это человеческое свойство и используется в послесудебной работе. Планируется дать волне протеста против казни дойти до апогея (кассационная инстанция утверждает приговор), а затем применить помилование.

По этому поводу интервью в советской прессе и несколько заявлений ТАСС на заграницу - с рефреном: гуманизм советского государства и звериное лицо империализма, агенты которого обезврежены советской разведкой.

Таков план операции. Как он будет осуществлен, зависит не только от планирующих. Прежде всего скажут свое слово обвиняемые и их друзья на воле. За ними слово мировой общественности и наконец - весь возмущенный мир демократии вместе с их правительствами не может спокойно наблюдать, как поднимает снова голову одна из самых отвратительных разновидностей фашизма - сталинизм.

5. Кто же такие эти диссиденты

Оппозиционное движение в СССР, участники которого получили известность на Западе как "диссиденты", не представляет из себя чего-то единого.

Широкой общественности на Западе наиболее известны участники правозащитного движения. Это, по-видимому, объясняется тем, что оно выражает и отстаивает наиболее общие человеческие стремления: право мыслить, обмениваться своими мыслями с друзьями, получать и распространять любую информацию. Это естественное право настолько живуче, что его не смогли убить даже сталинские чистки. Даже полумертвый лагерник О. Мандельштам писал свои стихи. Даже умирающий Белинков думал и заботился о том, как сохранить и донести до людей свои записки.

Анна Ахматова, Борис Пастернак, Корней Чуковский, Самуил Маршак, Константин Паустовский, Лидия Чуковская, Василий Гроссман и другие, которых я, к сожалению, не знаю, в одиночку, под угрозой ареста и жестокой расправы сохраняли и поддерживали благородное право человека на мысль. Опубликование на Западе "Доктора Живаго" ознаменовало прорыв мысли из одиночества. Процесс Синявского и Даниэля был как бы сигналом ко всей мыслящей общественности нашей страны отстаивать право на мысль, не страшась жертв. И этот сигнал был услышан.

Как развивалось правозащитное движение дальше, я

попробую рассказать, глядя на него со "своей колокольни", т.е. на примере собственного участия в нем.

Но прежде несколько слов о других движениях.

Раньше всех приняли массовый характер два движения:

- движение верующих против незаконных жестоких утеснений религии и

- движение депортированных в годы сталинского лихолетья малых народов за возвращение на свою историческую родину.

Оба эти движения развивались по форме одинаково - путем проведения петиционных кампаний. В своих письмах в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР и в Совет Министров люди выражали свою полную "преданность родной Ленинской партии и советскому правительству". И слезно просили... прекратить произвол. "Родная Ленинская партия" молчала или, отделавшись обманными обещаниями, предпринимала репрессии против организаторов петиционных кампаний.

К моменту начала более широкого правозащитного движения петиционные методы борьбы за свои права и у верующих, и у репрессированных малых народов дошли до своего предела. Количество подписей, которое доходило до сотен тысяч, начинает сокращаться. В массах нарастало разочарование, а среди передовой части верующих и "националистов" появилось стремление к поискам новых путей. Начались контакты с отдельными представителями правозащитного движения. Явно назревала тенденция к объединению оппозиционных движений в одном потоке. Именно в это время, т.е. на грани перехода к новому этапу борьбы, предпринял и я попытку отстоять свои права.

Ровно 13 лет прошло с тех пор, как я впервые сел в тюрьму за подпольное распространение листовок, разъясняющих суть ленинского учения о государстве и партии, и за попытку создания подпольного "Союза борьбы за возрождение ленинизма". Не правда ли, странное "преступление"? В стране, руководители которой без устали твердят о своей приверженности принципам ленинизма, кто-то пытается защищать эти принципы путем подпольной борьбы, а не в открытой дискуссии.

Предысторией этой моей деятельности является мое выступление на партийной конференции Ленинского района г. Москвы 7 сентября 1961 года. Мне удалось путем прямого обращения к делегатам конференции получить слово и высказаться по вопросам начинавшегося в то время насаждаться культа Хрущева. Выступление, принятое конференцией весьма благоприятно, встретило безоговорочное осуждение со стороны руководства конференции, особенно представителя ЦК КПСС Б.Н. Пономарева. И вот я увидел воочию, как партийный аппарат, организовав "выкручивание рук" делегатам, за 4 часа добился

того, что конференция, одобрявшая до этого мое выступление, радикально изменила свое мнение и осудила его. Характерно, что при этом никто ничего не доказывал. Наклеили на мое выступление ярлык "политически незрелое" и на этом основании осудили.

Затем началась аппаратная расправа со мной, в ходе которой я понял, что член партии, даже не рядовой, совершенно бессилен перед аппаратом. У него нет никаких прав, его некому защитить, и ему не на кого опереться. Оказалось, что "ленинские принципы" - это слова, ничего не значащие для партийных чиновников. Устав партии - документ, не ограждающий прав члена партии. Отсюда и родилась идея разъяснить сие коммунистам. Если этого не сделать, аппарат превратит в культ Хрущева или кого угодно другого, и все пойдет по проторенному сталинскому пути. Разъяснить. Но как? Нет ни одного печатного органа в стране, который бы опубликовал то, что не угодно аппарату. Отсюда и родилась идея подполья. Прошлый опыт большевистской партии тоже толкал на этот путь. Но на первой же распространенной листовке провалилась эта затея (остальные 8, заготовленные для печатания и распространения, изъяты при обыске) и еще не оформившийся "Союз".

Меня после месяца следствия направили на психиатрическую экспертизу. К другим членам несостоявшегося "Союза" применили "гуманные" наказания (без лишения свободы) - кого из армии уволили, кого, наоборот, в армию забрали, исключив из институтов. Большинство заставили "раскаяться". Меня тоже уговаривали, избрав основным аргументом: "Ну что Вы один сделаете?"

Когда я вошел в экспертное отделение (для политических) Института судебной психиатрии им. Сербского, ко мне бросились все находившиеся там 11 человек, и все в один голос выкрикнули - статья?

- 70-я, - удивленно ответил я.

Раздался хохот. Стоявший почти вплотную ко мне высокий молодой брюнет парень с очень умными, добрыми глазами - спросил:

- И Вам тоже говорили: "Ну что Вы один сделаете?"

Я еще больше удивился и растерянно сказал:

- Да...

Раздался еще больший хохот, и я пришел в еще большее замешательство. Брюнет, видимо, поняв причину моего замешательства, сказал:

- Да Вы не думайте плохого. Здесь все такие, как Вы. Поэтому мы и смеемся. Видим, что нашего полку все прибывает. А

сумасшедших здесь нет. Не бойтесь.

Это был Юра Гримм - машинист строительного крана, который вдвоем с товарищем изготовил, размножил и распространил антихрущевские листовки. Мы с ним крепко подружились, и эта дружба сохраняется до сегодняшнего дня; теперь мы уже дружим семьями. И я думаю, что не все родные дети так заботятся о своих родителях, как Юра и его жена Соня о нас с женой. Юра был самым большим моим приобретением периода пребывания в Институте Сербского. Тогда я посоветовал ему, как вести себя, чтоб не попасть в спецпсихбольницу. Он совет мой выполнил ("раскаялся" в содеянном), был признан вменяемым и получил три года лагеря строгого режима. Специальная психиатрическая больница искалечила бы ему всю жизнь.

Уже во время экспертизы я понял ошибочность своего поведения. Уходить в подполье для борьбы против беззакония и произвола - непростительная ошибка. В подполье идут для низвержения существующего строя, вместе с его законами, а идти в подполье, чтобы добиваться своих законных (конституционных) прав, - это давать возможность властям изображать тебя уголовником, чуть ли не бандитом, и душить втайне от народа, перетаскивая тебя без шума из подпола, куда ты сам забрался, в КГБистские застенки. Нет, надо, как у Евтушенко, когда он был еще поэтом:

Не сгибаясь, у всех на виду,
Безоружный иду за оружием,
Без друзей за друзьями иду.

Я твердо решил, что больше не повторю своей ошибки. Когда я освобожусь, в подпол не полезу. Наоборот, буду выступать против нарушений законов, только гласно и, возможно, громче, а конституционными правами стану пользоваться явочным порядком, не испрашивая ни у кого разрешения на это. Только так можно найти своих единомышленников. А в подполье лишь с крысами можно встретиться. И в капкан влететь вместе с ними или кошке в зубы попасть.

Очевидно, что с такими мыслями я не погрешил бы против истины, если бы заявил на экспертизе, что искренне раскаиваюсь в содеянном и больше так поступать не буду. Но я считал недостойным человека раскаиваться под ножом гильотины. Я не раскаялся и нераскаянный угодил в специальную психиатрическую больницу в Ленинград. И не жалею, что так случилось. Там я встретил Владимира Буковского. Правда, поговорить тогда нам не удалось. Это произошло после того, как весной 1965 года мы оба освободились из спецпсихбольницы, -

сначала он, потом и я. На первой же нашей встрече я задал ему вопрос: какой характер действий он предпочитает? Открытую борьбу или хорошо законспирированное подполье?

- Только открытую! - воскликнул он твердо и решительно.

- Чего нам прятаться. На нашей стороне закон. Да и потом, открытые выступления люди увидят и услышат: честные и смелые придут к нам. А каким методом вы будете подбирать для подполья? При нашей развращенности нравов, уверен, с первых же шагов натолкнетесь на провокатора.

С Володей сложилась, как и с Юрой, тоже крепкая дружба, распространившаяся впоследствии и на семьи. Мы все время делали одно дело, хотя вместе были так страшно мало,- то он находился в заключении, то я в спецпсихбольнице, то снова он в заключении и, наконец, за рубежом. Володя был вторым моим большим приобретением от первого периода моей психиатрической обработки. В психкамере Лефортовской тюрьмы я познакомился еще с одним диссидентом - Алексеем Добровольским. Единственное благородное его дело - это то, что он свел меня с Александром Гинзбургом, Юрием Галансковым, Верой Лашковой. Закончил же он предательством друзей.

В.Буковский познакомил меня со старым коммунистом (член партии с 1920 г.) Сергеем Петровичем Писаревым, с которым мы стали друзьями, - не только со мной, но с моей семьей. Человек это очень интересный. В его характере сочетаются такие черты, как верность дружбе, беззаветная преданность партии, честность и правдивость, беспредельное мужество, настойчивость и детская наивность.

Для его характеристики.

Он восемь раз исключался из партии, каждый раз по одному и тому же обвинению (в разных формулировках) - за недоверие к руководящим партийным органам. Фактически за защиту репрессированных товарищей по партии. Как правило, ему удавалось добиться реабилитации друзей и своего восстановления в партии (7 раз из 8-ми). В сталинские времена был дважды арестован. Оба раза тоже за защиту репрессированных друзей. После первого ареста был подвергнут жесточайшим пыткам. Прошел через 43 допроса, из них 38 с пытками, во время которых были разорваны связки позвоночника, что и по сегодняшний день доставляет ему большие мучения. Все выдержал и добился своего освобождения. Освободившись, сразу же стал добиваться привлечения к уголовной ответственности своего следователя и продолжал ранее начатую борьбу за освобождение руководителя большевиков Чечено-Ингушетии Зязикова. Борьбу эту он вел 20 лет, но добился только

посмертной реабилитации расстрелянного Зязикова. Что касается следователя, то Писарев получил сообщение, что тот исключен из партии и уволен из органов.

Второй раз он был арестован после войны за письмо с выражением недоверия обвинениям, выдвинутым по нашумевшему тогда делу врачей. Его признали невменяемым и заключили в Ленинградскую спецпсихбольницу. Он настойчиво доказывал свою правоту и в конце концов добился освобождения. При этом вынес с собой записи огромного количества фактов злоупотреблений психиатрией использования ее для политической расправы. Опираясь на эти материалы, написал убедительно обоснованное заявление в ЦК КПСС.

Для проверки была создана комиссия под председательством работника ЦК КПСС Кузнецова Алексея Ильича, в составе двух крупнейших советских психиатров тогдашнего директора Всесоюзного НИИ психиатрии профессора Федотова Дмитрия Дмитриевича и главврача Донской психиатрической больницы профессора Александровского Анатолия Борисовича. Комиссия проверила обе существовавшие в то время специальные психиатрические больницы - Казанскую и Ленинградскую, подтвердила все факты, сообщенные С.П. Писаревым, и установила огромное количество новых аналогичных фактов. Исходя из всех добытых данных, предложила ликвидировать специальные психиатрические больницы, как учреждения, служащие целям политических репрессий, а не лечению психически больных. Акт комиссии был доложен члену Политбюро Н.М. Швернику. Тот взял его со всеми материалами и в течение двух лет продержал в своем письменном столе, после чего сдал в Архив КПСС.

И вот наивность: уже больше двух десятилетий С.П. Писарев пишет в Политбюро, настаивая, чтобы оно приняло решение в соответствии с предложением комиссии А.И. Кузнецова, хотя ясно, что именно Политбюро или во всяком случае влиятельные его члены предприняли меры, чтобы материалы комиссии не получили движения и огласки. Именно поэтому члены комиссии вскоре после сдачи материалов Швернику подверглись ничем не обоснованным административным репрессиям: А.И. Кузнецова удалили из ЦК и долгое время не давали никакой работы; профессор А.Б. Александровский был ошельмован и отстранен от должности главврача психбольницы, тяжко пережил все это и вскоре умер; профессор Д.Д. Федотов снят с должности директора Всесоюзного НИИ психиатрии и назначен консультантом по психиатрии в Институт скорой помощи им. Склифасовского. Специальные психиатрические больницы не уничтожены,

наоборот, число их непрерывно растет. Дополнительно к Казанской и Ленинградской открыты специальные психиатрические больницы в Сычевке, Черняховске, Орле, Днепропетровске, Смоленске, Алма-Ате, Благовещенске... Открыты отделения для принудлечения во всех областных психиатрических больницах. Но С.П. Писарев продолжает верить в ЦК и пишет ему, пишет. И не признает никакого другого способа борьбы с произволом в стране, кроме писем в ЦК и государственные органы. И хотя я не одобряю такие методы действий - нельзя без конца кланяться тому, кто тебя начисто игнорирует, я не могу не уважать этого человека, не дорожить его дружбой.

Совсем другим человеком был писатель Алексей Евграфович Костерин. Будучи другом Сергея Петровича, он через него стал и моим другом. Мы с ним сошлись так близко, что дня прожить друг без друга не могли. В семье у меня его тоже полюбили. Веселый, жизнерадостный, несмотря на все пережитое и тяжкую болезнь сердца, он был великолепным рассказчиком и прекрасным собеседником. Его смерть была тяжким ударом для меня. Мы устроили ему достойные похороны. Гражданская панихида над его прахом в московском крематории 14 ноября 1968 года, на которой присутствовало около 800 человек, впоследствии была названа первым свободным митингом в СССР. Вскоре после похорон был выпущен сборник, посвященный покойному. Об этом человеке было что рассказать.

Он из рабочей семьи и сам рабочий. В семье все большевики. Старший брат с 1903 года, отец - с 1905 г., средний брат - с 1919, а младший - Алексей Евграфович - с 1916 года. Мать вступила в партию последней накануне Октябрьского переворота - в 1917 году.

Судьба всех Костериных оказалась трагичной. Когда я познакомился с Алексеем Евграфовичем, в живых оставался он один. Отец умер в зиму 1931/32 гг. от голода. Старший брат был арестован и расстрелян в 1936 году. Среднего брата исключили из партии, сняли с работы, и над ним повис арест. Нервы не выдержали, он запил и умер. Мать, когда арестовали старшего сына, положила свой партийный билет на стол секретаря парторганизации, заявив, что она не может состоять в партии, которая допускает такие несправедливости. После смерти среднего сына и ареста младшего не стало и ее - не выдержало сердце.

Алексей остался один. К трем годам царской тюрьмы приплюсовались 17 лет Колымских лагерей и ссылки. Но это его, по-моему, только закалило. Когда мы познакомились, он уже

чувствовал, что немного дней осталось ходить ему по земле и торопился в своих автобиографических записках подвести итог своей жизни. К сожалению, о содержании этих записок я знаю только по его изустным рассказам. Он собирался передать их мне, чтобы я опубликовал их при возможности. К несчастью, смерть оборвала эту его работу, а женщина, ставшая его женой в ссылке, нарушив прямое указание мужа - передать рукописи мне, отдала их в КГБ, где они и похоронены.

Так трагически оборвалась наша связь с местом, где столько счастливых часов проведено в беседах с замечательным человеком. Нас утешает с женой только то, что обе оставшиеся в живых дочери А.Е. Костерина, особенно старшая - Лена, вместе со своими семьями еще крепче, чем при жизни отца, прижались к нам. Радует и то, что Алексей Евграфович успел сделать то, что считал для себя особенно важным, - вышел из состава КПСС. В коротком, но убедительно мотивированном письме он просил не считать его больше членом КПСС. Изложив свой путь в рядах партии и указав на факты, свидетельствующие о ее перерождении, вернее, о вырождении в бюрократическую организацию, заключил: "Это не та партия, в которую я вступал и за идеи которой боролся в революцию и гражданскую войну, поэтому я не хочу находиться в рядах этой партии и отвечать за ее действия".

Знакомство и дружба с А.Е. Костериным оказали коренное воздействие на мои убеждения и раздвинули мой критический кругозор до масштабов понимания нужд страны и народных бедствий. Алексей Евграфович всю гражданскую войну и первые послевоенные годы провел на Северном Кавказе и множеством теснейших уз был связан с живущими там малыми народами. И он как свою беду, свое горе переживал их депортацию и гибель в связи с этим многих сынов и дочерей этих народов. Эти чувства он привил и мне, связав при этом с представителями тех малых наций, которые продолжали подвергаться дискриминации и геноциду,- крымскими татарами, советскими немцами, месхами и другими. С тех пор я участник борьбы этих народов за свое полное национальное равноправие и имею среди них множество друзей.

Так личные дружественные контакты увеличивали число людей, которые находят интерес в общении друг с другом и вырабатывают в этом общении и укрепляют свои взгляды. Каждое новое знакомство резко расширяет рамки такого дружеского сообщества. Ведь люди живут не поодиночке. Каждый из нас обычно имеет свою постоянную компанию. При этом люди мыслящие и дружат, естественно, с теми, кто имеет сходные

взгляды. Поэтому если знакомятся и начинают дружить два человека, то это значит, что число друзей каждого возросло не на одного человека, а на компанию своего нового друга. Соединяясь таким образом, люди начинают чувствовать себя увереннее, спокойнее, смелее высказывают свои взгляды и тверже отстаивают их. И года не прошло, после того как я освободился из спецпсихбольницы, а я уже перестал чувствовать себя одиночкой, изгоем. Я уже знал, что есть люди, которые поддержат в трудных обстоятельствах и помогут в беде. И с каждым новым знакомством усиливается ощущение наличия во всей стране людей, способных понять тебя и поддержать.

Особенно усиливает это чувство "самиздат". Читаешь произведения неизвестных тебе людей, размножаешь и распространяешь то, что тебе по духу. Это уже само по себе огромное наслаждение, знакомишься с полюбившимися тебе авторами, так как самиздатские труды нередко обозначены не только фамилиями авторов, но и их адресами. Я всегда поражался и не устаю поражаться этим чудом народного творчества - "самиздатом". По каким законам двигаются его произведения? Почему одни размножаются невероятным темпом и тут же разлетаются по всей стране, а другие гибнут, что называется, на корню? В большинстве это гибель окончательная, сколь бы автор ни старался гальванизировать свое детище, а некоторые без участия автора по прошествии времени оживают и вступают на путь долгой и полноценной жизни.

Я сам был обязан быстрому расширению связей "самиздату". В 1967 году я написал письмо в редакцию журнала "Вопросы истории КПСС", в котором обрушился на рецензию, помещенную в журнале на книгу А.М. Некрича "1941. 22 июня", - о начальном периоде войны. Я доказывал, что книга Некрича честная и правдивая, хотя и несколько приглаженная. При этом я дополнил сказанное Некричем своими значительно более резкими суждениями о начальном периоде Великой Отечественной войны. Я рассчитывал (наивность), что мне удастся добиться публикации статьи. Но я знал, что попади она в "самиздат", это будет использовано как повод для отказа напечатать в журнале. Поэтому я никому из друзей не показывал ее, боясь, как бы она случайно не "упорхнула" в "самиздат". Прошел месяц. Редактор пустыми отговорками откладывал решение вопроса об опубликовании. Я понимал, что надежд на печатание нет, и все же где-то в глубине души теплилась искорка надежды. Надо было, чтобы кто-то другой оценил возможности публикации. Избрал я в качестве своего доверенного не наиболее близкого мне человека - Костерина, а С.П. Писарева, поскольку знал его как противника

обращения к "самиздату".

Сергей Петрович получил рукопись на двое суток с указанием, что дается она только ему лично, что никому он передоверять ее не должен во избежание утечки в "самиздат". Возвращая мне рукопись через двое суток, он, буквально захлебываясь, хвалил ее, а в заключение сказал: "Это не только мое мнение. Я дал почитать одному доктору экономических наук. Так тот говорит, что он смог прочесть лишь несколько страниц. Пришла мысль, что такую работу недостаточно прочесть, ее надо иметь у себя постоянно. И он заложил в машинку 10 экземпляров и перепечатал всю работу. Один экземпляр дал мне", - закончил свой рассказ Писарев.

- Что же Вы наделали, Сергей Петрович? Я Вас о чем просил! - ошарашенно спросил я.

- Ай, простите, Петр Григорьевич, - забеспокоился Писарев, - я совсем забыл. Но Вы не волнуйтесь, я сейчас пойду, и мы соберем все экземпляры.

По телефону он мне через несколько дней сообщил, что все экземпляры собраны. Но спустя два-три дня после этого я получил письмо от полковника запаса Арзамаса, в котором тот, кратко изложив содержание моего письма, спрашивал, действительно ли я написал такое письмо. С этого статья моя, уже без меня, зашагала по "самиздату" во все концы страны, добралась до "тамиздата" (русские издания за границей), переведена на ряд европейских языков, и немцы даже сумели подобрать заголовок, более соответствующий содержанию статьи ("Выстрел в затылок ").

С этой статьи связи мои начали быстро расширяться. Группы молодежи стали приглашать меня рассказать о тех или иных событиях минувшей войны. Четырежды выступал я в университете перед организованной аудиторией - группа или несколько групп в полном составе, с парторгами и старостами. Здесь мне особенно нравилось, что все понимали недозволенность такой беседы, но вели себя так, как будто проводится запланированное мероприятие. Я со своей стороны делал все, чтобы не подвести своих слушателей. Я выходил из дому заранее и, предприняв ряд сложных маневров, отрывался от своих "хвостов". И все же слухи о недозволенных "лекциях" генерала дошли до администрации, и пришлось их прекратить. Тем усиленнее проводились беседы по квартирам. На одной из таких бесед познакомился я с Павлом Литвиновым, а через него - с Ларисой Богораз, Натальей Горбаневской, Людмилой Алексеевой, Петром Якиром, Ильей Габаем, Виктором Красиным и всеми другими, входившими в этот круг.

По-разному устанавливались эти связи.

Иван Яхимович вместе с женой приехал из Латвии в Москву, чтобы убедиться, есть в действительности здесь такие люди, как Павел Литвинов, Петр Якир и Петр Григоренко, или они вымышлены враждебной буржуазной пропагандой. У Литвинова, у меня устанавливались теплые, дружеские отношения с Иваном и Ириной.

Генрих Ованесович Алтунян приехал в Москву, как указано в решении парткомиссии об исключении его из партии, "по заданию 13 харьковских клеветников, чтобы установить связь с сыном командарма Якира, П. Якиром, и с бывшим генералом П. Григоренко". С Генрихом, Владиславом Недоборой, Софьей Карасик и другими "харьковскими клеветниками" у нас с женой установилась самая искренняя дружба.

Татьяна Ходорович пришла ко мне за 10 дней до моего второго ареста (накануне 1-го мая 1969 года). Она сказала: "Я мать четырех детей, но у меня нет сил молчать. Дайте какое-нибудь дело". Я сказал: "Татьяна Сергеевна, у нас нет организации, которая могла бы принимать в члены и давать задания этим членам. Мы такие же, как Вы: просто не можем молчать больше. И не молчим. Общайтесь с нами, и, если Вам будет, что сказать, говорите, не ожидая ничьего дозвола. А сейчас, если у Вас есть время, то я прошу Вас о следующем. В Латвии арестовали моего друга Ивана Яхимовича. У него остались, почти без средств к существованию, жена, трое детей и больная мать жены. Мы собрали немного денег, и я прошу Вас отвезти эти деньги Ирине. Вот ее адрес. Поговорите с ней. Поддержите морально. Узнайте, как и что она предпринимает для организации жизни семьи и какая ей нужна помощь. Приедете - расскажете, и вместе подумаем, что делать дальше".

Она согласилась выполнить эту мою просьбу, используя праздничные дни, и мы расстались, как оказалось, более чем на 5 лет. Она вернулась 4 мая, а я уехал в Ташкент 2-го и там 7-го был арестован.

Татьяна Сергеевна, энергичная, волевая и умная женщина, не стала больше искать заданий. По своему разумению принялась за дело и вскоре оказалась в числе наиболее известных диссидентов. Выйдя из спецпсихбольницы, я очень порадовался этому. У нас установились теплые, дружеские отношения.

Совсем по-другому появились у нас в семье двое научных работников - физик Григорий Подъяпольский и его жена, геолог Мария Петренко. Они как-то незаметно вошли в жизнь нашей семьи. Но вошли так, как будто бы всегда были с нами. Нельзя было не поражаться этой паре, не восхищаться их взаимной

любовью и человечностью. Тяжкий груз взвалили они на свои плечи. С ними жили парализованная тетя Гриши, старая больная мать Маши и сестра матери. И такой мир, такое взаимопонимание и благожелательность царили в этой семье, что, придя к ним, просто отдыхал душой. Все три трудоспособных члена семьи - Гриша, Маша и их дочь Надя - обслуживали семью, помогая один одному и заменяя друг друга. Гриша, кроме того, писал стихи, воспоминания и, главное, входил в состав Сахаровского комитета защиты прав человека и помогал заключенным и их семьям. Маша всегда была с ним рядом, готовая подставить плечо.

Сейчас Гриши уже нет в живых. Умерла и казавшаяся цветущей тетя Гриши. Кто знает, может, и тоска по умершему племяннику помогла этому. Она, к сожалению, не могла высказать ее. Язык ей не повиновался. Над семьей нависло горе, общая тоска. Да и разве можно не тосковать по такому человеку. Моя семья, рядом с которой все тяжкие для нас годы стояли Гриша с Машей, их дочь и родные им старые больные люди, тоже не может избавиться от тоски по Грише. И пусть эти строки будут вместо прощального надгробного слова над прахом Гриши - Григория Сергеевича Подьяпольского.

Читатель мой, ты, возможно, удивлен. Я взялся рассказать о том, кто такие "диссиденты", а рассказываю о своих друзьях. Не удивляйтесь. Я сам не знаю, кто такие "диссиденты". Людей, которых что-то объединяет, принято называть каким-то общим названием. Поэтому мы и откликаемся на не нами придуманную кличку. Мы могли бы назвать себя как угодно, но все дело в том, что сделать этого мы не можем. Мы не организация. И название нам поэтому противопоказано. Мы просто люди, несогласные с тем, что писать можно одно, а говорить другое. Мы убеждены, что если есть в стране конституция, то мы имеем право пользоваться ее положениями, не спрашивая ни у кого разрешения. Если подписаны международные пакты, то внутренние законы должны быть приведены в соответствие с ними. Мы убеждены, что ложь и лицемерие недопустимы ни в международной, ни во внутренней политике. Мы уверены, что нельзя привлекать к уголовной ответственности человека, не совершившего преступления.

А самое главное, мы убеждены, что каждый человек свободен в своих убеждениях и имеет неограниченное право их распространять, а также знакомиться с убеждениями других и вообще получать и распространять любую информацию.

Собственное свободомыслие и терпимость к чужим убеждениям - вот то, что создает взаимопритяжение людей типа моих друзей, людей, которых называют "диссидентами". Такие

люди находят других подобных себе, и создаются компании, группы или, как хотите назовите, людей, которым в свободное время приятно быть вместе, которые вступают между собой в дружеское общение, а нередко и в родственные связи, постепенно избавляются от чувства незащищенности и беспомощности перед бюрократической государственной машиной. Отдельные люди из такой компании встречаются с другими подобными компаниями и сплетается как бы несколько колец (вроде биологической цепочки, например, ДНК). Эти сплетения могут все увеличиваться, распространяясь по городу, на другие города, на всю страну. У наших друзей, например, есть надежные дружеские связи на Дальнем Востоке, на Колыме и т. д.

Но что же все-таки объединяет? Неужели только дружеские и родственные связи? Нет. Все наоборот. Те и другие не причина, а следствие. Объединяет же желание мыслить и делиться своими мыслями с другими. Неограниченно получать и распространять информацию. Все, кто стремится к этому и ищет друг друга, а найдя, устанавливают тесные контакты, или менее тесные, или более отдаленные, непостоянные, или просто знакомство, или лишь знание, что есть там-то и там-то люди, мыслящие так же, или, наконец, просто предположение, что такие есть и там. До своего ареста в 1969 году, я был связан наиболее тесно с Анатолием Якобсоном, Сергеем Ковалевым, Петром Якиром, Павлом Литвиновым, Ларисой Богораз, Юлиусом Телесиным и еще кое с кем, кого называть сейчас считаю нецелесообразным. Круг же людей, которых я знал больше или меньше и с кем общался хотя бы время от времени, был намного шире. Но были люди еще и за этим кругом, такие, например, кого я лично не знал, но кто знал меня. Наконец, бьши люди, с которыми связывал только "самиздат" и "Хроника текущих событий", которая явилась гениальной находкой рядовой инициативы.

Кто первый сказал "да", я разбирать не буду. Сейчас даже Виктор Красин заявил претензию на авторство этого изобретения. Если считать разговоры о том, что назрела надобность, то найдется много авторов. В моем кругу, где участвовал и Красин, этот вопрос обсуждался не один раз. Но первый номер создала Наталья Горбаневская - одна! И вела издание по крайней мере до моего ареста, а знающие люди говорят, что до 9-го номера. Ей, следовательно, принадлежит и пальма первенства. Но вообще это издание безымянное и бессмертное. Люди же, его творящие, - настоящие герои. Их особенно настойчиво разыскивает КГБ. А найдя или предположив, что вот авторы, учиняет жестокую расправу. Как предполагаемый автор "Хроники" осужден и Сергей Ковалев.

Круг читателей и корреспондентов "Хроники" очень широк. Намного шире, чем широко известные диссиденты, группирующиеся вокруг А. Сахарова, Ю. Орлова, В. Турчина. Именно поэтому так быстро происходит замена. Не успели отзвучать аресты Ю. Орлова, А. Гинзбурга, М. Руденко и О. Тихого, как появилось большое число добровольцев, желающих заменить их.

Советские газеты, говоря о диссидентах, называют их "жалкой кучкой никого не представляющих людишек". Но в этом не слабость, а сила диссидентства. Они и не берутся никого представлять. Они представляют себя. Каждый из них личность. И объединяются они только для зашиты своего права быть личностью. За это они борются даже в лагере, в тюрьме. И их не так мало, как изображают газеты. Я до своего последнего ареста довольно пессимистически оценивал нашу численность и, сидя в спецпсихбольнице, подсчитал, что правозащитное движение в результате арестов последних лет, эмиграции и высылки за кордон многих видных диссидентов "дышит на ладан". И как же я был поражен, найдя его через пять лет неизмеримо более сильным, окрепшим и, я бы сказал, очищенным, оздоровленным. После же прочтения замечательной книги Светланы Аллилуевой - "Один год" - ко мне пришло понимание причин этого. Я уразумел, что еще тогда, в 1969 году, движение было так разветвлено, что пронизывало весь наш общественный организм до самых высоких партийных кругов включительно, но я этого не знал.

Таким образом, движение это глубинное, представляющее людей, не желающих быть обезличенными и беззащитными перед жестокой машиной бюрократического государства. Именно поэтому движение приобрело характер правозащитного. И до тех пор, пока личность не защищена в законном, установленном порядке, уничтожить это движение невозможно. Справиться с таким движением по силам только террору типа сталинского (1937 года), но на это постаревший советский бюрократический аппарат уже неспособен. Да и страшновато. Такой свирепый террор бьет без разбора. И чего доброго, может смахнуть головы и ныне процветающим членам Политбюро, а то и самому Генеральному.

Нашему правозащитному движению, кроме того, очень крупно повезло. В его рядах оказались два таких титана, как Солженицын и Сахаров, плеяда выдающихся писателей, ученых, художников, деятелей искусств и большое количество стойкой, мужественной, самоотверженной, талантливой молодежи, которую не сломили никакие жестокости режима.

Способствует развитию правозащитного движения и

неразумная линия поведения властей. Власти пытаются всем управлять, все контролировать.

- Талантливый художник хочет рисовать так, как подсказывает ему его талант. Так нет, бюрократ тут как тут: "Не сметь! Рисовать, как я велю!". И вот оппозиционное движение художников вливается неиссякаемым потоком в общее правозащитное движение.

- Люди хотят сочинять стихи, перекладывать их на музыку и петь. Вместе с тем есть люди, которым позарез охота слушать эти песни. Но бюрократ снова тут как тут: "Не дозволю!" И вот новый приток в общий поток правозащитного движения.

- Но вот уже не притоки, а могучие потоки. Бюрократ вмешивается и в дела религии. Он хочет, чтоб и Бог шагал в одном строю с дьяволом. С верующими государство ведет настоящую и все более жестокую войну. И что удивительного в том, что миллионы верующих примыкают к правозащитному движению?

- Но к настоящему, большому сражению идет дело в национальном вопросе. Продолжающиеся дискриминация и геноцид выселенных с родной земли малых народов и политика русификации в национальных республиках вызывают все возрастающий протест. И национальное движение тоже вливается в общий поток правозащитного движения.

"Правда" в уже цитировавшейся статье говорит, что буржуазная пропаганда, обращаясь к диссидентам, создает "видимость существования некоей "оппозиции"... Да нет! Речь идет не об оппозиции, а о нарастании могучего гнева народного. Конечно, правозащитное движение не организовано и потому представляет собой скорее моральную, чем физическую, силу. Но и при таком его состоянии правительству теперь вряд ли удастся воспользоваться опытом новочеркасских событий 2 июля 1962 года. В случае нового возмущения трудящихся с ними придется объясняться словами, а не пулями. Власти знают об этом и беснуются. Нет такой ругани, какую не обрушили бы газеты на диссидентов. Так с "отщепенцами", с "ничтожной группкой", которая "не представляет опасности", не разговаривают. Сочинив сказочку, они представляют дело так: в стране имеется несколько отщепенцев, растленных типов, которые согласились за деньги банков Манхеттена и Сити поставлять клеветническую информацию западным пропагандистским центрам и, одев на себя личину борцов за права человека, поставляют эту информацию.

Трудно сказать, чего в этой "страшной" сказочке больше - глупости или бессовестной лжи. При наших-то слежках,

подслушиваниях, перлюстрациях, чтобы люди могли годами клеветать! Да ведь клевету и опровергнуть можно. А если не опровергаешь, а просто глушишь радиостанции, которые передают неугодные тебе сведения, то какая же это клевета? И каким это образом удается этим агентам жить и работать легально? И почему они даже не пытаются скрыться? Ведь вы в печати гремите, предупреждаете: "Берегитесь, мы сейчас за вас возьмемся!" А они и ухом не ведут и продолжают трудиться, работают до последнего часа и идут на многие годы в тюрьму, лагерь, ссылку.

Нет, все, что пишут советские газеты о "диссидентах", ложь. Даже советские суды никогда не устанавливали диссидентского "сотрудничества" с зарубежными антисоветскими центрами, не уличили в том, что они получают деньги из сейфов "РС и РСЕ за клеветническую информацию" ("Правда" 22. 02. 77 г.). Наоборот, мы неоднократно гласно доказывали, что судят диссидентов по фальсифицированным делам. Газетная клевета имеет самое ограниченное назначение - ввести в заблуждение советское общественное мнение, убедить неинформированных трудящихся, что в стране действуют засланные извне враждебные силы. Истинной правды о судах над диссидентами рядовому гражданину никогда не скажут.

Участники правозащитного движения никогда не предпринимали противозаконных действий. Они и вообще действовали только, когда ни за что судили их товарищей. В этих случаях они шли к зданию суда и там скорбно стояли во все время процесса. В зал их никогда не допускали и ловили малейший повод, чтобы придраться к кому-нибудь и уволочь в милицию на 15- суточное осуждение "за хулиганство". Когда затем публиковался правдивый диссидентский отчет о процессе, власти и это действие признавали преступным.

Уважаемые читатели, я рассказал одну лишь правду о всех течениях диссидентского движения. Скажите, как можно предать суду участников петиционной кампании? Предавали, и в большом числе. Но... не за петицию, а "за... распространение клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй", или "за ... антисоветскую пропаганду". Как это делается? Очень просто. Из петиции берутся наиболее неприятные факты нарушений законов властями и без какой бы то ни было проверки переносятся в обвинительное заключение как клеветнические. Что бы обвиняемый ни говорил в доказательство правильности изложения фактов, - суд не принимает это во внимание, каких бы свидетелей он ни выставлял, - суд не вызывает. Голословные

утверждения обвинительного заключения переписываются в приговор и служат основанием для назначения жестоких сроков заключения.

По такому обвинению находится длительное время в заключении Мустафа Джемилев.

По такой же схеме действуют и с участниками правозащитного движения, которые разоблачают факты нарушения прав человека. Вопреки истине рассказ об этих фактах объявляется клеветой, а дальше все идет по описанной выше схеме. За всю историю советского строя не было случая, чтобы факты, названные следователем клеветническими, подверглись беспристрастной проверке. Не было случая, чтобы суд потребовал подтверждения клеветнического характера тех или иных фактов. Раз действия властей в свете проверенных фактов выглядят неблаговидно, - значит, это не факт, а клеветническое измышление. Таким способом были осуждены очень многие, в том числе и Сергей Ковалев.

Аналогично фабрикуются обвинения верующим. Наиболее стойких защитников религиозных свобод тоже обвиняют в "клеветнических измышлениях", хотя они никогда не приводят ни одного непроверенного факта. Если кто сомневается, прочтите рассказ "Хроники" о процессе видного деятеля Церкви евангельских христиан-баптистов Георгия Петровича Винса. Все обвинение соткано из лжи и лицемерия, но "за клеветнические измышления" осужден Г. Винс.

Если Вы, дорогой читатель, думаете, что труднее осудить писателя за его произведения, исполнителя собственных песен или свободного художника, то Вы жестоко заблуждаетесь. Если совсем нечего сказать, даже лживо, в подтверждение, то на помощь приходит психиатрия. И люди прямо с закрытых процессов летят в "специальные психиатрические больницы". Таким путем попали туда, например, исполнитель самодеятельных песен Петр Старчик и до сих пор (многие годы) томящийся там художник и писатель Юрий Белов.

Таким образом, Вы, читатель, видите, что в советских газетах пишется злобная клевета на диссидентов. Это люди, внутренняя сущность которых несовместима с самим понятием преступления. Движет нами истинная боль за друзей, попавших под колеса машины подавления, стремление помочь друг другу во всем и жертвуя всем, даже своей свободой. А этого всегда приходится ждать, когда выступаешь со смелыми разоблачениями в защиту незаконно репрессированного. Среди диссидентов почти нет богатых людей. Но материальную помощь нуждающемуся всегда окажут. Приведу только один пример. Конец 1968 года. Мы, как

селедки в бочку, набились в квартиру Ирины Корсунской послушать рассказ Л. Алексеевой, которая только вернулась от Ларисы Богораз, отправленной в ссылку - в Чуну Иркутской области (за участие в демонстрации на Красной площади в знак протеста против оккупации советскими войсками Чехословакии) . Л. Алексеева закончила рассказ вторичным подчеркиванием того, что "хуже всего с жилищем. Квартиру снять негде, т. к. жилье - обычные деревенские дома. Значит, можно снять лишь койку и жить вместе с хозяевами. Лучше всего купить бы дом, но где взять денег? Подходящий стоит около 3 тысяч".

- Надо собрать, - предложил кто-то.

- Ну, откуда! Такую сумму? - выразила сомнение Л. Алексеева.

И тут кто-то сказал (к сожалению я не запомнил):

- А попробуем! Я вот получил премию. Получай первую сотню!

И полились деньги. Даже я не мог удержаться, хотя товарищи, зная наш семейный бюджет, останавливали меня. Не выходя из квартиры, собрали почти треть. В ближайшие два дня нужная сумма была набрана, и Алексеева снова отправилась в Чуну - повезла Ларисе в подарок наш дом.

Я прожил большую жизнь. Всегда окружали меня хорошие люди, но на таком интеллектуальном уровне, как в последние 13 лет, никогда не жил. Без этих лет, без этих людей я так и не узнал бы полного наслаждения человеческим общением. И вот этих людей обливают грязью, клевещут на них, арестовывают, судят, гноят в лагерях, тюрьмах, спецпсихбольницах. Каков же моральный уровень тех людей, которые делают это, и какова цена их лучшему обществу? Нет! Лучшее будущее, духовное возрождение общества представляют мои друзья по правозащитному движению. Их терпимость к чужим мнениям, уважение к высказываемым взглядам и любовь к людям достойны примером для всех служить.

"Правда" пишет, что, "когда эти лица (диссиденты) оказываются за рубежом, они быстро раскрывают свое подлинное лицо и уже открыто выступают против социалистического строя". Из этой сентенции попробуй пойми, какие взгляды они высказывают. Но я уверен, что высказывают они только свои взгляды и именно те, которые у них сложились здесь. Думаю, что и до отъезда они их не скрывали, но спорить о взглядах у нас здесь нет возможности. У всех у нас кляп во рту, и потому мы вынуждены здесь бороться только за одно - за то, чтобы получить наше законное право вынуть кляп изо рта и через слова дать возможность мысли вырваться на волю.

Что же удивительного, что наши друзья, оказавшиеся там, где право человека на мысль признается, стали говорить не об этом праве, а высказывают свои собственные убеждения. Верните народу его законное конституционное право на свободу слова и печати, мы и дома выскажем свои взгляды, в том числе и о социализме - демократическом и тоталитарном (сталинском). Наверняка найдется немало таких, кто выскажется и против социализма ... тоталитарного.

Вот и все, что я могу рассказать о своих друзьях - участниках правозащитного, религиозного, национального, культурного движений.

Для вас, дорогие читатели, они - диссиденты , для меня - друзья, соратники в нелегкой борьбе. Судите сами, могут они быть преступниками?

Заканчиваю эту главу о друзьях-соратниках, и тепло переполняет грудь мою. Перед моим умственным взором проплывают лица и лица - все дорогие мне люди. Иных из них уже нет, другие далече, третьи и сегодня торят вместе наш тернистый путь. И среди них те, кого никогда не чувствовал отдельно, кто слит с моим существом, без кого и меня не было бы - сегодняшнего. Я говорю о моей жене - Григоренко (в девичестве Егорова) Зинаиде Михайловне и нашем сыне Григоренко Андрее Петровиче.

Путь к трибуне партийной конференции Ленинского района г. Москвы проложен мне Зинаидой Михаиловной. Она первая нанесла удар по моему сталинистскому мировоззрению. В 30-е годы она потеряла брата, застреленного на Дальнем Востоке; мужа - профессора Института красной профессуры, убитого на следствии; сестру, уничтоженную в сталинских лагерях; зятя, расстрелянного сталинскими палачами. Она и сама испытала следственную тюрьму тех лет. Все это не прошло для нее даром. Она не пошла по пути тех, кто, случайно выбравшись из ада, утверждал, что невиновных выпускают. Не в пример и таким увлеченным, каким был я, она умела обобщать жизненные явления и делать выводы. Очень осторожно и тактично она начала просвещать и меня.

Вместе с тем она не дала нарушиться моей связи с простыми людьми. Дочь рабочего, старого большевика, она имела постоянную склонность общаться и дружить с людьми попроще, но думающими. И, естественно, ее друзья становились и моими друзьями. Некоторые из них уже в те страшные времена реалистически смотрели на жизнь. Их реализм, хоть и медленно, воспринимался мною.

Военная среда специфическая, а мероприятия властей

направлены на то, чтобы как можно резче обособить ее. Если бы у меня не было через жену окна в мир, я просто не мог бы выработать взглядов, отличных от взглядов своего военного окружения. И к сегодняшнему дню мог бы стать большим начальником, но никак не "диссидентом". В мир мятущийся вводила меня жена. Она открыла для меня "Новый Мир" и Солженицына в нем. Она подкладывала мне литературу с проблесками мысли, вытаскивала меня в театр на стоящие постановки и в кино на приличные фильмы. И мысль моя пробуждалась, выдиралась из-под наслоений одуряющего и отупляющего партпросвещения. Постепенно она добралась и до суждений, высказанных 7 сентября 1961 года на партконференции.

Происшедшее на конференции потрясло меня до глубины души, но пришел я в семью, которая не только поняла меня, но стала опорой духу моему. Репрессии нарастали, друзей-соратников тогда еще не было, но рядом шли, подпирая своими плечами, жена и наш сын Андрей. А вот и арест. И первое, что сказано на первом свидании: "Не волнуйся! Береги себя. У нас все в порядке". А что там могло быть в порядке, если кроме меня арестованы два моих сына от первого брака, а у Зинаиды Михайловны никаких источников средств существования, кроме собственных рук. Я, только вернувшись домой, узнал, что "у нас все в порядке" - это бессонные ночи за швейной машиной и унизительная торговля пошитым на рынке.

Наконец, спецпсихбольница. Кто в ней не бывал, тому трудно понять, что это - как проваливание в могилу. Единственная надежда выбраться из нее лжераскаяние. И хотя такое "раскаяние" хуже самоубийства, отказаться от него нелегко. И снова рядом человек, понимающий это. На одном из свиданий слышу от жены необычное для нее сообщение. Плохих новостей она мне никогда не сообщала, а тут вдруг: "Андрея из института исключили". "Но ты же говорила, что обещали не исключать! - высказываю я свое удивление. "Да, обещали, но за это потребовали осудить участие в "Союзе борьбы ..." и твои действия. А Андрей отказался". И мне радостно: любимый сын остался верен человеческому долгу лживым раскаянием себя не унизил. Мне ясно также: семья не осудит меня, если я не "раскаюсь". А жену врачи как раз пытались убедить, чтоб она повлияла на меня в обратном направлении.

Не мемуары пишу я сейчас. И рассказывать подробности жизни не стану. Коротко скажу важнейшее. Из первого заключения в спецпсихбольнице жена меня буквально вырвала, воспользовавшись замешательством в верхах в связи со снятием Н.С. Хрущева с занимаемых им постов. Благодаря ей я пробыл в

этой больнице неслыханно мало - восемь месяцев (без учета 7-ми месяцев предварительного тюремного заключения). Выхожу из больницы без пенсии. Но жена, с бодрым видом: "Ничего, проживем!", и оба идем работать вахтерами. Работа временная, но живем. Затем вдвоем с сыном Олегом (инвалид детства) идем работать в магазин грузчиками. Андрей работает чертежником. Он снова поступил в институт - на вечернее отделение. Быстро пролетели месяцы от освобождения до нового ареста (IV. 1965 г. - V. 1969 г.). Но за это время мы все трое основательно вошли в семью диссидентов.

Пять лет и два месяца Зинаида Михайловна и Андрей, опираясь друг на друга и на друзей - советских и зарубежных, - вели борьбу за мое освобождение. И каждый раз, когда мои силы были уже на пределе, жена находила способ помочь мне укрепить их. Сейчас мы снова вместе, но, к сожалению, нет рядом любимого сына. За участие в правозащитном движении ему неоднократно угрожали спецпсихбольницей: "Вас, Андрей Петрович, - предупредили его из КГБ, - легче всего туда поместить. У Вас же наследственность!" Сказали это один раз, а потом напоминали. И не выдержал... Не Андрей... Я не выдержал. Мне была непереносима мысль, что сын мой окажется там, где 6,5 лет провел я. Для себя я этой перспективы не боюсь. Не все ли равно, где умирать. Лишь бы достойно отойти в мир иной. А вот представить там любимого сына - это было бы свыше сил моих. И я уговорил жену, а затем и сына на его эмиграцию. Сейчас он очень далеко от нас по расстоянию - в США. Но мы всегда чувствуем его рядом. И притом знаем, что в "психушке" ему теперь не бывать. И еще верим мы, что придет время, когда сын наш, как и другие невольные эмигранты, сможет безбоязненно вернуться на родину. И мы встретим их всех уже не как диссиденты, а как свободные граждане свободной страны.

Люди, систематически слушающие передачи иностранных радиостанций на русском языке, постоянно встречаются с определенными, хорошо известными именами. Я в своей настоящей работе хотел показать, что людей, самоотверженно ведущих правозащитную борьбу, куда больше. И эти-то люди и представляют истинную силу движения. Известность приходит по малозаметным, зачастую случайным причинам*. Действия же всех участников правозащитного движения отражают назревшие потребности общественной жизни. И хотя каждый из них ЛИЧНОСТЬ, широкая известность приходит не ко всем. Многие неизвестными и из жизни уходят, хотя вложили все силы и талант в дело правозащиты.

* Мне, например, известность создала борьба моей жены и

сына за мое освобождение.

Аналогичная картина и с диссидентскими семьями. Даже в диссидентской среде мы знаем Александра Гинзбурга, Миколу Руденко, ну и т. д. А что мы знаем об их женах? Рассказом о своей семье я хотел привлечь внимание к диссидентским семьям , которые несут на себе все тяготы, все невзгоды, зачастую не легче тех, которые выпадают тем, кто отбывает заключение в тюрьмах, лагерях и "психушках". Сейчас новый отряд жен, матерей, детей начал познавать нашу жизнь через страдания арестованных родных людей и через репрессии, обрушиваемые властями на них самих. Помощь и поддержку им и известность их борьбе - к этому я призываю своим рассказом о моих друзьях.

6. А может, все же диалог

Описанное нами отношение властей к "диссидентам" есть следствие сложившихся отношений между правителями и народом. Управляющие принимают решения втайне от народа, без его участия - за закрытыми дверьми. Настроения народа если и учитываются, то только по данным государственного аппарата и сведений секретных служб. Объявленные решения народу дозволено только одобрять, приветствовать (голосовать "за" и аплодировать) и исполнять.

Для бюрократов такая система - просто рай. Не надо заботиться о завоевании доверия избирателей и уважения подчиненных. Достаточно заслужить доверие начальника и поддерживать это доверие. В остальном жизнь течет спокойно, размеренно, без помех и тревоги. Если случились ошибки, просчеты, их стараются скрыть в надежде, что они не будут повторены, а, следовательно, никто о них не узнает и неприятностей от начальства не будет.

В таких условиях всякий, кто пытается "вынести сор из избы", признается самым вредным элементом и подвергается гонениям. Ну, а как прикажете относиться к тем. кто борется против таких гонений, то есть к людям, ведущим правозащитную борьбу?! Ведь если бы случилось такое, что исчезла возможность поддвергать гонениям критиков существующих порядков, то нарушилась бы вся нынешняя система. Не преследуемые критики расплодились бы невероятно и не пропустили бы ни одной ошибки, никому не дали бы спокойно жить. Значит, правозащита для чиновника еще страшнее и ненавистнее, чем критика недостатков в хозяйстве, управлении, научной деятельности, культуре... На нее поэтому и обрушивается вся сила карательных воздействий государства.

Нередко жестокую практику карательных органов оправдывают с помощью сентенций: "Правительство должно проявлять твердость. Иначе в стране начнется анархия". Но такая

"философия" не выдерживает критики. Во-первых, еще никакая, даже самая жестокая, диктатура не избавляла страну от взрывов и следующей за ними анархии. Наоборот, именно жестокий гнет и террористические действия властей приводили к особенно разрушительным взрывам и безудержному разгулу анархии. Да это и естественно: паровой котел взрывается не там, где излишки пара свободно уходят в атмосферу, а где его продолжают усиленно подогревать и после того, как давление давно перешагнуло критическую черту.

Во-вторых, сама природа дает нам наглядные уроки. Наиболее живучи в природе те существа, у которых лучше развиты обратные связи, или, как обычно говорят, приспособляемость. Выдержал соревнование за жизнь не огромный, но неповоротливый доисторический динозавр, а маленький, юркий, на все быстро реагирующий варан.

Мы знаем, что принесла стране сталинская твердость. Не будем опровергать известные успехи того времени. Но разве стоят они 66 миллионов загубленных жизней. Да пусть и не 66, хотя эта цифра, выведенная по косвенным показателям, но строго научными методами, никем никогда не опровергалась. Но я не спорю с цифрой. Пусть - 30 или другое количество миллионов безвинно загубленных людей - любые успехи стоят этого?

Да и успехи... Огромный Голиаф был мгновенно сбит с ног вооруженным современной пращей небольшим мускулистым Давидом. Чего стоило Голиафу подняться после этого удара и дойти до победы! "Десятки миллионов"... человеческих жизней - пишет "Правда" (12. 02. 77 г.). А на Западе приводят и более точную цифру - 44 миллиона. Такая огромная, ничем не оправдываемая цена, заплаченная в условиях необычайно благоприятной международной обстановки! А сколько стоит то, что сотни тысяч наших соотечественников воевали на стороне врага? И это все плата за тот путь - сталинский путь, которым мы шли многие годы.

Так стоит ли нам и сегодня держаться за этот путь? Тем более что он осужден 20-м и 22-м съездами партии.

Повседневная жизнь современного советского общества, независимо от наших желаний и вкусов, настойчиво требует демократизации. Чтобы осознанно совершать движение, надо иметь очень многочисленную и разветвленную разведку. Одновременно нельзя давать скапливаться "излишкам пара" даже в отдельных узлах жизни.

Хозяйство нашей страны достигло огромной степени концентрации и централизации. В этих условиях малейшая ошибка в руководстве поражает не отдельную клетку единого

хозяйственного организма, а организм в целом. У нас много говорят о преимуществах планового начала, но почти не говорят о его серьезных недостатках, которые особенно заметны и чрезвычайно опасны в условиях недемократических методов составления планов. В этих условиях в основу плана ложатся не всесторонне обоснованные научные соображения, а волюнтаристские установки. А отдельный человек или небольшая их группа, не обремененные глубокими знаниями и самоуверенные, могут высказывать как умные мысли, так и глупости. Но одно дело глупость одного человека в сфере его узкой деятельности, а другое - глупость, распространенная на все хозяйство. Это уже громадное бедствие, бороться с которым можно только методами широкой демократии. Чиновник поддакнет высокому руководителю или промолчит (это не я придумал. Это выводы партии о волюнтаризме Н.С. Хрущева - П.Г.), а в массе участников демократического обсуждения плана обязательно найдутся те, кто не только обнаружит глупость, но и поднимет свой голос против нее.

Волюнтаристское планирование уже нанесло громадный урон хозяйству и природе нашей страны: уничтожение природных зон сельского хозяйства, превращение огромных пространств тучнейших черноземов (путем вскрышных работ) в лунные ландшафты, отдача необъятных просторов целинных земель во власть ветровой эрозии, уничтожение плодороднейших Волжской и Днепровской пойм, создание условий высыхания и загрязнения Каспийского и Аральского морей и многое другое, затрагивающее не только интересы живущих, но и их потомков. И это все очень трудно исправить. А ради чего делается? Ради сиюминутных потребностей и даже для удовлетворения непомерного тщеславия властительного временщика.

Что может дать хотя бы маленькая, почти незаметная, вскоре задушенная властями струйка демократии, показывает проблема Байкала. Ученым, вступившимся за Байкал, удалось многого добиться, хотя кардинально проблема из-за неразумного упрямства властей и не решена. Полностью противоположное мы наблюдаем на Дону, где Цимлянское море навсегда поглотило цимлянский виноград, несмотря на отчаянные крики о помощи нескольких защитников этого уникального растения. В общем, нужна смелая хозяйственная демократия. Нужен плодотворный диалог властей с учеными-плановиками, организаторами, администраторами и рядовыми тружениками промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, связи, сферы услуг.

А зачем правительству запрещать людям, способным к тому,

рисовать то, что они хотят, писать стихи, перекладывать их на музыку, петь, писать литературные и литературно-критические произведения, социологические исследования, открывать новые виды искусства или по-новому трактовать традиционные? Очевидно, что только свободное соревнование различных направлений, течений, жанров даст полную жизнь разнообразному творчеству, устранит ныне широкие недовольства и освободит государство от содержания тучи ненужных чиновников, которые сами никакими талантами не обременены и могут лишь что-то запрещать, не тратя сил даже на обоснование этих запрещений. С помощью диалога можно было бы легко решить и вопросы, вызывающие все большее недовольство немногих из числа депортированных при Сталине, но еще не возвращенных на историческую родину малых народов: крымских татар, советских немцев, месхов и некоторых других.

Нечего говорить, что национально-культурные и религиозные вопросы можно разрешать лишь с помощью диалога. Но именно в этих областях накопились серьезные противоречия. Ни на чем не основанные неразумные утеснения религии и национальных чувств людей создают нездоровую обстановку там, где ей и места не должно быть.

По всем этим вопросам можно было бы уже сегодня начать плодотворный диалог с нынешними диссидентами. Не о себе я думаю, говоря это. Мой возраст и здоровье напоминают об ином диалоге. Но друзья мои достойны того, чтобы руководители страны с уважением отнеслись к их слову. Во-первых, потому, что они убежденные сторонники строгого соблюдения законов и уважения к заключенным Советским Союзом международным договорам. Во-вторых, и сами эти люди заслуживают уважения. То, что их ругают в советской печати, отражает лишь злобу чиновничества против правозащитников, но истинной ценности не имееет. Даже те, кто пишет эту ругань, вряд ли верят в написанное и понимают, что разговор с А. Сахаровым и А. Солженицыным составит честь для политического деятеля самого высокого ранга.

А член-корреспондент Академии наук СССР И. Шафаревич, член-корреспондент Армянской Академии наук Ю. Орлов, доктор физико-математических наук В. Турчин, писатели Л. Копелев, Л. Чуковская, В. Войнович - разве это не достойные собеседники? Но главный участник диалога - талантливая, ищущая, мужественная советская молодежь. Не так давно мир был свидетелем умных, глубоких выступлений трех советских диссидентов - Л. Плюща, А. Амальрика, В. Буковского в защиту политзаключенных и в осуждение антидемократических порядков в СССР. Стоило только

сопоставить эти выступления со стандартизованными, упакованными в казенные фразы высказываниями высоких политических деятелей социалистического мира и некоторых слепо копирующих КПСС коммунистических партий, чтоб убедиться, что с любым из этой тройки можно вести содержательный и конструктивный разговор. А ведь это рядовые правозащитного движения. Такие, как они, и более талантливые осуждаются по сфальсифицированным обвинениям и идут в тюрьмы, лагеря и спецпсихбольницы. Многие эмигрируют. "Известия" публикуют статью "Контора г-на Шиманского" (24. 02. 77 г.). В этой статье в самом ругательном тоне говорят и о трех, мне хорошо известных людях. Но уместно спросить у "Известий", почему эти, ругаемые сегодня, - за рубежом? Ведь В. Максимов - выдающийся русский писатель, Н. Горбаневская - поэтесса, А. Галич - талантливый, хотя и своеобразный поэт. Спрашивается - почему им всем не творить на Родине? Но Максимову и Галичу закрыли дорогу к творческому труду, лишив тем самым и средств к существованию, а Н. Горбаневскую, кроме того, оторвали от малолетних детей и упрятали в спецпсихбольницу. Что же удивительного, что всем им пришлось эмигрировать.

Так за что же ругают их "Известия"? Что не поют дифирамбов своему прошлому? Нет, они говорят о нем правду, а это, как уже известно, на языке Михайловых, кассисов, да и апариных называется клеветой и дезинформацией. За это их и ругают.

Вот так страна теряет свои лучшие кадры, своих талантливых и мужественных людей, которые истязаются в местах заключения или покидают свою родину. Продвигаются же, замещают руководящие посты те, кто не высказывается против, у кого хребет погибче. Эти люди чиновничий покой не нарушают. Но будет ли от этого народу лучше? Вопрос! Не нарушают покой и те, кто, считая, что "плетью обуха не перешибешь", уходят в семью или в пьянку, в разврат, вырабатывая в себе полное равнодушие к делу.

Минувшей осенью страна, по оценке правительства, собрала небывалый урожай. Я не вижу оснований не верить этому. Но вот вопрос: улучшилось ли снабжение в связи с таким урожаем? Твердо заявляю: нет, стало хуже. Это не мое индивидуальное мнение. Это говорят все: в магазине, в транспорте, на улице. Но почему? Да потому, что все звенья товаропроводящей системы работают все хуже. И никакой чиновничий контроль этого не выявит и не устранит.

Нельзя сказать, чтобы партийно-государственное руководство не видело всего этого. Оно видит. Но пути, которые избирает, вряд ли назовешь эффективными. Почти еженедельно

публикуются постановления, написанные тем бюрократическим языком, который как-будто кого-то к чему-то обязывает, но делает это столь неконкретно и с заблаговременным созданием возможности уклониться от выполнения заданий, что можно не бояться привлечения к ответу за невыполненный пункт. Мало помогают делу и всякие призывы и соревнования с вручением премий и знамен. Чтобы преодолеть затхлую атмосферу чиновничьего покоя, надо, чтобы туда подул хоть легкий ветерок демократической критики.

Но в настоящее время нет другой силы, способной на это, кроме диссидентов. Не только конкретные личности, составляющие данное движение, указывают на это. Связь, которая установилась у диссидентов с думающими людьми, тоже говорит в их пользу. Диссиденты, особенно такие, как Сахаров и наиболее близкие ему люди, получают много писем. Среди них есть всякие - и сомнительные жалобы, и просто графоманские. Но основная масса таких, в которых люди делятся своими мыслями, раздумьями и чаще всего ничего не просят. Нередко заканчивают почти стереотипной фразой: "Пишу только для того, чтобы Вы знали об этом. Ответите, буду рад". Если к этому добавить, что через диссидентов идет и "самиздат", где публикуются очень серьезные труды, то станет ясно, что у диссидентов есть что сказать своему оппоненту.

Так, может, все-таки конструктивный диалог вместо истощающей силы правительственной войны против мыслящей части нашего народа?

7. Немного теории или самоновейшая "демократия"

Наше правозащитное движение постоянно указывало на то, что в СССР попираются права человека. Эти заявления обычно иллюстрировались многочисленными фактами. Но за всю мою практику участия в правозащитном движении не было случая, чтобы власти опровергли хоть один из приведенных фактов или хотя бы предприняли попытку расследования. Как правило, они делаются глухими и слепыми по отношению к конкретным фактам, делают вид, будто о них никто и не говорил; людей же, сообщающих факты, обвиняют в клеветнических измышлениях, в стремлении подорвать существующий строй или нанести ему существенный урон. Одновременно в самой общей форме превозносится забота о человеке в нашей стране.

По такой схеме построена и статья в "Правде" под заголовком "Что скрывается за шумихой о "правах человека". Начав с прославления наших великих достижений, авторы перешли к площадной брани на диссидентов и самой беспардонной клевете на них. Заодно досталось и "зарубежным антисоветским центрам"

и "противникам разрядки". Но как это ни хлестко все изложено, а ответа на вопрос - а как же с правами человека в СССР? - здесь нет. Возникает надобность хотя бы заключить этим. И вот мы читаем: "Что касается действительных прав человека, то опыт истории показал (да, да, у нас только так. Опыт истории всегда, когда нам потребуется, приходит и показывает все что нам угодно - П.Г.), что эти права способен обеспечить только социалистический строй. Право на труд, на образование, на социальное обеспечение, право избирать и быть избранным в органы власти и управления всех уровней, критиковать и контролировать их работу, право на участие в обсуждении и принятии решений, в том числе и общегосударственного значения, - такова наша социалистическая демократия в реальности, в действии". (Курсив мой - П.Г.)

Невольно хочется переспросить: Что? Что это такое? Демократия? Социалистическая? Да полно-те! Что это за метаморфозы? До сих пор из истории (той самой, опыт которой показал) нам были известны демократия античного мира и демократия буржуазная. Первая была демократией для рабовладельцев, вторая для буржуазии. В обоих случаях демократия - понятие совершенно определенное, и прилагательные (буржуазная, рабовладельческая) содержание понятия не меняют. Они только указывают на тот общественный слой, которому демократия служит. И вдруг мы видим, прилагательное "социалистическая" коренным образом изменило содержание понятия "демократия". До сих пор, из века в век, в понятие демократии включались: свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, свобода вероисповедания, свобода передвижения и выбора места проживания, неприкосновенность личности и жилища.

Редакия центрального органа правящей партии начисто забыла эти основополагающие составные демократии. И забыла не случайно. В Конституции СССР записаны свободы слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, но этими свободами пользоваться народу советскому не было дано. Участники правозащитного движения использовали эти свободы явочным порядком, не считаясь с запретами властей, поскольку эти запреты незаконны антиконституционны. И правозащитники добились победы, правда, с обратным знаком. Нет, нет, это не поражение, а именно победа с обратным знаком.

Как было до сих пор? Власти утверждали, что у нас в стране есть свобода слова, печати и т. д., а пользоваться этими свободами не давали. Мы, не считаясь с запретами, пытались пользоваться конституционными свободами. И власти теперь

вынуждены открыто признать, что этих свобод в нашей стране нет. Они сознались в своей лжи и подтвердили то, в чем мы были убеждены и что стремились доказать перед всем миром. Разоблачение лжи, признание властей в том, что они до сих пор лгали, - это их поражение, а, значит, наша победа.

Но победа условная. Как известно, Конституция СССР перерабатывается. Собственный наш опыт свидетельствует, что "Правда" намечаемые в законах изменения публикует на своих страницах и эти публикации становятся для других газет образцами. Надо ожидать, что сейчас вся печать начнет по образцу "Правды" проповедовать социалистическую демократию, из которой удалены общедемократические свободы. Таков, вероятно, будет и проект Конституции, который Конституционная комиссия предложит Верховному Совету, а тот, как всегда внеся несущественные поправки, проголосует единогласно за утверждение.

Свободы вероисповедания в Конституции нет. Вместо этого затемненное и лицемерное: "Свобода совести и свобода антирелигиозной пропаганды". Как будто можно противополагать эти два понятия. Свобода антирелигиозной пропаганды, если общество демократическое, должно быть противопоставлено свободе религиозной пропаганде. Но дело запутали, чтобы не сказать о свободе вероисповедания. И его нет. Установлена по Конституции и в жизни диктатура новейшей религии - госатеизма.

Нет в Конституции также свободы передвижения и свободы выбора места проживания. Того и другого нет и в нашей советской действительности. Но если я не могу жить, где хочу, не шею права покинуть место, к которому меня пригвоздил паспортный режим, то чем же я отличаюсь от заключенного? Только тем, что его привезли к месту заключения под конвоем, а я прибыл к месту паспортного закрепления без оного.

Неприкосновенность личности и жилища Конституцией прокламирована. В действительности же десятки миллионов людей были без каких бы то ни было оснований арестованы, расстреляны, отправлены в лагеря уничтожения; целые народы среди ночи были изгнаны из своих жилищ, погружены в скотские вагоны и вывезены в пустыни и полупустыни. Некоторым из этих народов - крымским татарам, советским немцам, месхам - до сих пор не разрешено возвратиться на землю предков. Их жилища разрушены или заселены другими людьми, но истинным хозяевам этих жилищ не заплачено ни за жилища, ни за другое грабительски изъятое имущество. Теперь, как нам сообщает "Правда", неприкосновенность личности и жилища вообще не

входит в понятие социалистической демократиии. Что ж, и правильно! Исторический опыт показывает, что когда надо, то "прикасаются" и к личности, и к жилищу. Так зачем же записывать в Конституцию то, что явно невыполнимо? Пусть наши "доблестные органы" наводят, когда надо, твердый порядок, без каких бы то ни было неприкосновенностей. Пусть арестовывают, расстреливают, угоняют в лагеря, снова депортируют целые народы, не оглядываясь на Конституцию.

Таковы изъятия из демократии при переходе ее из буржуазного состояния в социалистическое.

Ну, а во что же превратилась демократия, приняв на себя звание социалистической? Разберем написанное в "Правде" по составляющим социалистической демократии. Итак:

Право на труд. Правители нашей страны больше всего гордятся тем, , что вписали в Конституцию это право. Но что оно означает? Значит ли это, что вас не могут уволить или что вам обязаны предоставить работу по специальности, если вы потеряли прежнюю. Нет, не значит. Вас могут уволить, если вы политически неугодны властям, и дать указание, чтобы вас нигде не принимали по вашей специальности. Такое происходит, например, с руководителем советской группы "Международной Амнистии", доктором физико-математических наук Валентином Турчиным. Его уволили, и уже 4 года он не работает. А на днях его вызывали в КГБ и заявили: "О вашем трудоустройстве по специальности не может быть и речи". Вот каково оно, это право!

Так в чем же тогда право на труд? - спросите вы, читатель. - Не знаю, отвечу я. Могу только рассказать о практике. А она вот какая. Уволенный по политическим мотивам обязан устроиться на работу сам. А поскольку его по специальности нигде не берут, а не по своей специальности работать не хочет, то он попадает под суд "за тунеядство". Тот же, кто не хочет быть осужденным, переквалифицируется. Ученые, писатели, художники идут в сторожа, уборщики мусора, рабочие магазинов..., и это на всю жизнь, так как обратного хода для политических нет.

Но вы скажете, что это не право, а обязанность. Я с вами спорить не буду. И, по-моему, право на труд без права не трудиться является не правом, а обязанностью. Правом на труд в таком смысле полнее всего обладали рабы. Они должны были все время трудиться. Им даже для отдыха предоставлялось совсем недостаточно времени. Право на труд, за которое ратуют пропагандисты преимуществ социалистической демократии, есть рабское "право". Алексей Пешков в таких условиях никогда бы не превратился в Максима Горького. Он либо не вылезал бы из тюрем "за бродяжничество" и "тунеядство", либо должен был

сделаться профессиональным мусорщиком или хлебопеком.

Кстати, о тунеядстве. Человек, который, проработав 2-3 месяца, остальную часть года посвящает какому-то полюбившемуся делу и живет в это время на заработанные деньги, быть может, впроголодь, - тунеядец? А человек, не пьяница, не гультяй, а просто чем-то увлеченный, который живет на средства родных, друзей, благотворительности, - он тунеядец? А партийный чиновник, корреспондент, вроде В. Сергеева, посвятивший свою жизнь дезинформации людей через печать, а цензор в стране, где по конституции существует свобода печати, а "топтун" и "стукач", выслеживающие честных людей, - они все "труженики"? Сколько их в нашей стране, пожирающих народный хлеб и занятых только тем, что берегут несменяемость власти или дезинформируют народ. Тучи чиновной саранчи. И все "трудятся". В частности, и над тем, чтобы извратить понятие "тунеядец". Попробуй, объясни им, что "тунеядец" не тот, кто, не находясь на официальной службе, не получая зарплаты у государства, зарабатывает хлеб свой собственными руками, а тот, кто всю жизнь регулярно ходит на работу и, не делая ничего полезного для народа, пользуется его трудами - получает зарплату из общегосударственного кармана. Притом немалую.

Право на образование. В чем оно выражается? Не в праве же на восьмилетнее образование, поскольку оно обязательное. Значит, в праве на среднее специальное и высшее образование. Значит, каждого, кто хочет в ВУЗ, обязаны принимать? Ведь у него право. Ан нет, принимают лишь тех, кто прошел по конкурсу. Какое же это право? Получается, что у тебя не право на образование, а право на то, чтобы подать документы и, если тебя допустят до экзаменов, то проэкзаменоваться. Права же на образование нет. А если учесть, что конкурсному испытанию подвергаются не только знания, а и анкетные данные, то право на образование становится еще проблематичнее. Во время учебы тоже могут вышибить. Во всяком случае оппозиционные политические действия никому из студентов не прощают. Сразу же вышибают. Таково это право.

Право на социальное обеспечение самое проблематичное из всех прав. Максимальная трудовая пенсия 120 рублей. Когда это установилось, средний заработок в Советском Союзе был равен 70 рублям. Сейчас он поднялся, как сообщают наши газеты, до 150 рублей, то есть возрос более чем вдвое, а максимальная пенсия осталась прежней. Но максимальная все же пенсия. А 21 рубль - это пенсия? А 16 рублей? Можно на них жить? А ведь есть и 8 рублей. А есть и совсем не получающие пенсий. А как же с правом? Спросите "Правду". Это ведь она, а не я, написала, что

советские люди имеют право на социальное обеспечение. Как-то в "Правде" была опубликована карикатура, где огромный и страшный военный ("Пентагон") отнимает деньги у изможденного гражданского ("социальные нужды"). Возможно, "Пентагон" добрался и до наших "социальных нужд"?

Далее совсем фантастическое право - "избирать и быть избранным в органы власти и управления всех уровней". А разве у нас были выборы когда-нибудь? Я еще помню, что в моей юности проводилось нечто подобное выборам. А нынешнее поколение, пожалуй, даже не знает, что такое выборы. Мы участвуем в постыдной комедии голосования - выбираем одного из ... одного. Даже полудикие африканские народы знают, что если - кандидат один, то за него голосовать не надо. А мы, передовая социалистическая страна, не знаем этого и голосуем. Да еще обставляем дело так, чтоб видно было, кто голосовал против: ход к урне не через кабины. Наоборот, они отодвигаются в сторону и ставятся так, чтобы быть под хорошим обзором.

И наконец, "право критиковать и контролировать работу органов власти и управления всех уровней, право на участие в обсуждении и принятии решений, в том числе и общегосударственного значения". Великолепные слова. Но как можно осуществить хоть одно из этих прав без свободы слова, печати, собраний, митингов, демонстраций и... забастовок?

Как критиковать? Так, как делаем сегодня? Писать верноподданические заявления в вышестоящие инстанции? А они, как и сейчас, не будут на них отвечать или отделаются отписками? А как контролировать работу любого учреждения, если старший начальник или так называемый народный, то есть тот же чиновничий, контроль не организует соответствующую проверку?

Что же касается права на участие в обсуждении и принятии решений, в том числе и общегосударственного значения, то этого, наверное, не понимают и авторы статьи. Скорее всего, это включено в качестве комического элемента. Хотели, чтоб выглядело позабористее. Вот, мол, как у нас: "вздумал дядя Миша, чтоб наивысший орган, например, Политбюро, принял решение общегосударственного значения, одел выходной пиджак и пошел. А там его уже ждут, встречают, берут под ручки и ведут... в сумасшедший дом, разумеется, и говорят: "Вот хорошо, Михайло Семеныч, что пришли.. Мы с вами поговорим, посоветуемся, обсудим важнейшие общегосударственные вопросы". Это не придуманная картинка. Так именно встречают в Верховном Совете жалобщиков, которые хотят непременно лично попасть на прием к председателю Президиума или хотя бы к

заместителю.

Такова самоновейшая "Демократия" имени "Правды".

Попутно один частный вопрос. Советские органы печати нередко используют жупел "вмешательства во внутренние дела". Хотелось бы разобраться в этом вопросе. Сначала юридически.

Если я, добровольно заключив международный договор, принял на себя определенные обязательства и тут же "забыл", что их надо выполнять, имеют ли право другие участники договора напомнить о нем или это будет вмешательством во внутренние дела? Второй вопрос: могут ли международные органы осудить нарушение прав человека в какой-то отдельной стране? Это, пожалуй, даже не вопрос, поскольку такое обсуждение и осуждение уже проводится в отношении Чили, Израиля, ЮАР. Почему же, когда речь заходит о великой державе, на сцене появляется "вмешательство во внутренние дела"?

Но оставим юридическую сторону, обратимся к моральной. Если вы видите через высокий забор, что в доме вашего соседа душат одного из семьи, вы что отвернетесь, чтобы вас не обвинили во вмешательстве в семейные дела, или, может, хотя бы голос подадите, крикните: "Прекратите истязать человека, звери!"

Не знаю, как вы, читатель, а я за такое и даже более решительное вмешательство. Я за то, чтобы вызвать милицию, ворваться во двор и скрутить душителя. Но это так, в семье. А в государстве?

Если мы видим, что правительство какой-то страны, не считаясь с международными законами, ни с нормами человеческой морали, ради утверждения или укрепления своей власти, казнит и истязает ни в чем неповинных людей, неужели мы будем молчать? Думаю, любой гражданин мира не согласится на такое поведение. Он поднимет голос протеста. Нарушители прав человека назовут такой протест "вмешательством во внутренние дела" и обхамят протестующих. Но этого бояться не надо. Нарушители прав человека должны быть схвачены за руку, даже если они правят великой страной. В борьбе за права человека все люди земли и правительства, выражающие волю своих народов, должны решительно "вмешиваться во внутренние дела" тех стран, где эти нарушения совершаются.

8. Вместо послесловия. Слово к западным коммунистам

Как человек, всю жизнь отдавший делу борьбы за идеалы коммунизма, хочу обратиться к тем, кто искренне верит в светлое коммунистическое будущее. Но не о коммунизме я буду говорить. Продлит Господь дни жизни моей, может, поговорим об этом. Сейчас я хочу коснуться только того, что относится к арестам членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Арестовано на сегодняшний день (февраль 1977 г.) четверо - по два от Московской и Украинской групп. И т р о е из них - бывшие члены КПСС: Ю. Орлов, М. Руденко и О. Тихий. М. Руденко был даже крупным партийным руководителем - секретарем парткома Союза писателей Украины. Не состоял в партии один Александр Гинзбург.

Задумайтесь, товарищи, над этим. Далеко не рядовые люди - крупный писатель, академик, учитель не только изгоняются из партии, но и подвергнуты аресту. И за что? Только за слово, за свои убеждения; за то, что высказали неприятную для правительства правду о грубых нарушениях Советским Союзом Хельсинкских соглашений. Власти в СССР говорят, что за убеждения не судят. Но это чистейшее лицемерие. Судят за высказанные убеждения, называя такие высказывания "клеветническими измышлениями, порочащими советский общественный и государственный строй", или "антисоветской пропагандой". Иначе говоря, за взгляды не судят, если они самим тобой умерщвлены в твоей голове, если им не дана жизнь через слово. А за высказанные судят, изгоняют из партии, с работы, из учебных заведений, предают суду, заключают на многие годы в тюрьмы, лагеря, спецпсихбольницы.

Проиллюстрирую сказанное на примерах.

Юрия Орлова исключили из партии в 1956 году и изгнали с работы за то, что он, выступая на партсобрании института в прениях по докладу Хрущева на 20 съезде, потребовал привлечения к ответственности соучастников сталинских преступлений. За что же его наказали, если не за убеждения?

Микола Руденко, разрабатывая философские вопросы, объединенные впоследствии в его труде "Экономические диалоги", попутно обращался несколько раз в ЦК КПУ, указывая на ряд хозяйственных ошибок. Партийный аппарат, не разбираясь в сути вопросов, предложил ему прекратить свои исследования. Поскольку он отказался выполнить это незаконное требование и начал жаловаться, его исключили из партии, исключили из Союза писателей и запретили печатать его произведения, лишив тем самым средств к существованию. Ну а теперь он арестован. Уместно и здесь спросить: за что, если не за убеждения?

Поучительна история и с моим исключением. В КПСС, как и в стране в целом, существует неписанный порядок, при котором ни на одной конференции, съезде, большом собрании, слете, митинге не может выступить никто, кого на это не уполномочило руководство. При этом выступающий должен говорить лишь то, что заранее согласовано с руководителем. Я сумел обойти этот порядок, испросив слова непосредственно у районной партийной

конференции, делегатом которой был. Получив же трибуну, высказался против нараставшего в то время (октябрь 1961 г.) культа Хрущева.

Наши руководители и печать любят козырять такими категориями - "Партия с вами не согласится", "Народ вас не поймет". Но ни с партией, ни с народом никому без дозвола руководящих чиновников говорить не дадут. Мне это удалось единственный раз в жизни; и хотя я за это был жестоко наказан, но получил величайшее удовлетворение - конференция меня поняла, поддержала и в обиду не дала. Это потом, с помощью партийного аппарата, меня отстранили от должности начальника кафедры Военной академии и от научной работы, сняли с защиты мою докторскую диссертацию и, наложив строжайшее партийное взыскание (строгий выговор с предупреждением и с занесением в учетную карточку), сослали на Дальний Восток. Два года спустя арестовали и, исключив из партии, заключили в специальную (тюремную) психиатрическую больницу, лишив заодно генеральского звания и заслуженной пенсии. Только снятие Хрущева помогло мне освободиться из этой страшной "больницы", пробыв в ней и в следственной тюрьме КГБ всего лишь год и 3 месяца. Но все остальные репрессии остались в силе. А еще 4 года спустя - новая спецпсихбольница, уже распоряжением новых претендентов на культ, поглотила меня на долгие 5 лет и два месяца. Может, и здесь били не за убеждения?

Генрих Алтунян был исключен из партии за связь со мною. Да, да, в протоколе так дословно и записано: "По заданию 13-ти харьковских клеветников выехал в Москву, чтобы познакомиться с сыном командарма Якира и с бывшим генералом Григоренко. Что и выполнил..." В общем, провинция в то время (1968 год) лицемерить не умела. За что исключает, то и записали. Не то Москва. Когда меня привлекали к партийной ответственности, я в анкетке, заполняемой перед рассмотрением дела, в ответ на вопрос - за что привлекается, написал: "За выступление на партийной конференции Ленинского района г. Москвы". Но секретарь парткома Академии, выдернув анкетку из моих рук, проговорил:

- Так писать нельзя.

- Ну, тогда пишите сами, - сказал я.

И написали!

"За недооценку деятельности партии по вопросу о ликвидации культа Сталина и за извращение линии партии в вопросе борьбы с культом личности".

Далее пошла сказка про "белого бычка".

Я отказываюсь подписать себе такое обвинение и спрашиваю:

- Когда же и где я недооценивал деятельность партии и извращал линию партии?

- В вашем выступлении на партконференции.

- Значит, вы наказываете меня за выступление, в котором, по вашему мнению, содержались и недооценка, и извращение?

- Нет, выступать вы имели право.

- Тогда за что же вы меня привлекаете?

- "За недооценку...", ну и так далее.

- Когда и где я недооценивал?

- "Ваше выступление..."

И так до тех пор, пока я, утомившись и отчаявшись пробить стену бюрократического равнодушия, умолкаю.

В провинции тогда еще не умели так поступать. Поэтому Г. Алтуняна исключили за меня, а его друга, Владислава Недобору, - за Алтуняна. Кроме того, последнего уволили из армии (он радиоинженер, майор), и обоим дали по три года лагеря. По возвращении из заключения ни тот, ни другой (оба инженеры) не допущены к работе по специальности и уже около четырех лет работают слесарями.

Примерно с такой же, как и Алтунян, формулировкой был исключен из партии, снят с работы, а затем арестован и заключен в психиатрическую больницу Иван Яхимович. Он по окончании университета работал директором школы. Откликнувшись на призыв партии, оставил выгодную должность и благоустроенную городскую квартиру и пошел председателем в отстающий колхоз. Одновременно поступил на заочный курс в сельхозакадемию. Колхоз под его руководством вышел в передовые. О нем стали писать газеты. Но вот он услышал по радио о выступлениях Павла Литвинова и Якира. Фамилии эти, тем более для историка, известны. И он заговорил об этом в своей парторганизации. Его вызвали в райком, сделали внушение и сказали, что таких людей в Москве нет, что это просто провокация иностранного радио. Он не поверил этому, поехал в Москву и там нашел этих людей. Вернувшись в район, рассказал об этом и был исключен за связь с этими людьми. Написал открытое письмо М. Суслову. Оно получило широкое распространение в "самиздате". За это письмо был арестован и заключен в психиатрическую больницу. Сейчас работает лесником. Ни в школу, ни в колхоз его не допустили.

Владлен Павленков - преподаватель института из г. Горького, написал кандидатскую диссертацию по работе Ленина "Государство и революция". В диссертации показал, что наше государство устроено не в соответствии с теорией Ленина. (Это так и есть.) За это его исключили из партии и осудили. Он получил и уже отсидел 7 лет. От преподавательской деятельности

отстранен и может заниматься только физическим трудом, да и то не на крупном предприятии. Рабочий класс власти оберегают от влияния неблагонадежных элементов. Для таких, как Павленков, выбирать можно только между сторожем и рабочим в магазине.

Вообще, ленинскому "Государству и революции" не повезло. И мое грехопадение началось с этого ленинского труда. И Леонид Плющ, находящийся сейчас во Франции, попал в специальную психиатрическую больницу больше всего за пропаганду идей этого труда. И Борису Вайлю этот труд "помог" попасть на 6 лет в лагерь и на 2 года в ссылку.

Педагог одного из высших учебных заведений Киева Василий Лисовой ни в каких оппозиционных движениях не участвовал, хотя многие из его друзей, возмущенные русификаторской политикой властей, выступали в защиту украинской культуры. За это их начали арестовывать.Узнав об арестах, В. Лисовой написал возмущенное письмо в ЦК КПУ, в котором он заявил, что знает всех арестованных, знает их взгляды как целиком соответствующие ленинскому национальному учению. Он сам разделяет эти взгляды и считает, что арестованных надо освободить, а если теперь за это арестовывают, то пусть арестуют и его. Просьба была немедленно удовлетворена. Его исключили из партии "за национализм", а вскоре арестовали и осудили - 7 лет лагеря строгого режима "за антисоветскую пропаганду". Заявление, поданное в ЦК партии, попало в КГБ, оттуда в суд и служило основным обвинительным документом.

Я мог бы приводить и приводить подобные примеры, ибо такова система - с инакомыслием в партии борются с помощью КГБ. Не дискуссия, не партийный диалог, а кулак - лагерь, тюрьма, спецпсихбольница.

Аналогичными средствами действуют и обычные (несоциалистические) диктаторские режимы. Но за коммунистов, арестованных этими режимами, вступаетесь вы. А кто же должен вступиться за коммунистов, арестовываемых и осуждаемых в СССР и так называемых социалистических странах? Кому защищать других советских демократов, подвергаемых жестоким и беззаконным репрессиям? До сих пор нас защищали некоммунистические демократические движения. Коммунисты в этом не участвовали. Хуже того, они защищали, а большинство продолжает и сегодня защищать террористическую практику властей в Советском Союзе.

ПОЧЕМУ?

Вы, видимо, считаете, что дорогу в будущее знают только руководители КПСС, а рядовая масса не должна иметь никаких

своих мнений? Обязана слепо следовать за вождями и повиноваться им? А кто пытается взглянуть собственными глазами на происходящее и осмыслить его, тот заслуживает, чтобы его уничтожили без разговора?

Вы такого коммунизма хотите?

Мы этого не хотим! Пережитое дает нам право бороться против такого "коммунизма".

Не так далеко ушло то время, когда в нашей стране уничтожали людей миллионами, десятками миллионов. И никто не наказан за это человекоистребление и даже морально не осужден. Нам даже официально не сообщили цифру безвинно загубленных! 22-й съезд КПСС принял решение поставить памятник жертвам сталинского террора. Нет этого памятника. Наоборот, запрещено вспоминать об этих жертвах. За такие воспоминания - тюрьма, лагерь, спецпсихбольница. Говорят, зачем вспоминать? То, что было, прошло и не вернется...

НЕПРАВДА!!!

Сталинизм - не случайное явление. Он - закономерное порождение марксизма учения, в котором демократические тенденции органически сочетаются с тоталитарными. До Октябрьской революции русские марксисты активно боролись за демократические преобразования. После Октября на первый план выдвинулись тоталитарные устремления, хотя руководящим учением продолжал оставаться марксизм. Высшего развития тоталитаризм достиг в годы сталинского террора. Смерть Сталина привела к ослаблению тоталитаризма, но не к гибели его. Он не мог погибнуть, поскольку руководящим учением продолжал оставаться марксизм, а знали мы только тоталитарный марксизм. Все послеоктябрьское поколение, пришедшее к руководству партией и страной, воспитывалось только на этом марксизме. Оно могло руководить, лишь опираясь на марксистский тоталитаризм: управление с помощью репрессий, а не через диалог с народом. Крайностей сталинского периода теперь нет, сажают не сотнями тысяч и миллионами, а сотнями и тысячами, соблюдается видимость законности, но в основе - та же теория, те же методы: опора не на закон, не на народное волеизъявление, а на силу, на ложь, лицемерие. Поэтому угроза террора типа сталинского постоянно висит над нашим народом как дамоклов меч. Сталинизм потихоньку, но настойчиво реабилитируется. Осуждать сталинские крайности запрещено. Никаких памятников жертвам. Никаких осуждений прошлого. Никаких преследований участников массовых репрессий. Похоронить саму память о них и тем обеспечить сохранение тоталитарного марксизма как руководящего учения.

Руководители партии и советского государства, не зная другого учения, привыкнув к тоталитарному управлению, не хотят расстаться с этим учением, готовы сделать все для его сохранения и укрепления. Но это учение уже достаточно себя разоблачило, показало свое звериное лицо. Только крайние реакционеры теперь могут защищать это учение. Первый, наиболее ощутимый удар нанесли этому учению чехословацкие коммунисты в 1968 году. Всенародное движение за демократический социализм удалось подавить лишь с помощью мощной вооруженной силы, однако это не спасает тоталитарный марксизм. Переместился лишь центр борьбы против него. Ряд коммунистических партий Западной Европы настойчиво ищет отличных от Советского Союза путей к социализму. Вместе с тем не прекращается борьба против тоталитаризма и в "социалистических" странах. "Хартия 77", кампания в защиту рабочих в Польше - яркие проявления этой борьбы.

В Советском Союзе борьба против тоталитаризма стихийно приняла форму правозащитного движения. Мы добиваемся только одного - чтобы власти не нарушали ими же созданных законов. Неожиданно такая форма борьбы оказалась очень действенной. В нашей стране со времен правления Сталина по его инициативе в повседневную практику государственного управления вошли ложь и лицемерие. Издавались очень хорошие законы, подписывались либеральные и гуманистические международные документы, а народ не мог пользоваться их благами. Мало того, народ приучали системой "воспитательных" мер и репрессиями воздавать хвалу этим законам как действующим.

Мы начали явочным порядком пользоваться советскими и принятыми Советским Союзом международными законами. Для этого, конечно, надо было знать эти законы. Мы изучали их, и некоторые из нас достигли большого искусства в толковании их. Таких "толкователей" власти особенно не любили. Одни из них как Борис Цукерман, Юлиус Телесин, Валерий Чалидзе - были выдворены из страны. Другие - как биолог Владимир Буковский, историк Андрей Амальрик, биолог Сергей Ковалев и физик Андрей Твердохлебов - осуждены на длительные сроки тюремно-лагерного заключения и к ссылке. Первые два уже отбыли свои сроки и находятся на Западе. Остальные отбывают наказание в крайне тяжелых условиях.

Жестоким репрессиям подвергались и все другие правозащитники. Длинен, очень длинен скорбный список репрессированных только за то, что они хотели жить и действовать по закону. Им создавали фальсифицированные дела

и выносили жестокие приговоры. Но каждый такой суд усилиями оставшихся на воле правозащитников превращался в событие, разоблачающее произвол, беззаконие, ложь и лицемерие. И власти наконец поняли, сколь опасно это для них. Они долгое время не употребляли даже слова "правозащитный", чтобы не привлекать к нему внимания. Но вот сейчас они уже упирают на это. "Правда" от 12 февраля 1977 года в статье "Что скрывается за шумихой о "правах человека" утверждает, что "правозащитность" - это только маска, а на самом деле это - "отщепенцы, вступившие в своей борьбе с советским строем на путь прямого сотрудничества с зарубежными антисоветскими центрами".

Эта невероятная ложь потребовалась центральному органу партии, чтобы создать погромные настроения в народе, чтобы провести широкую чистку в стране и разгромить правозащитное движение. Очевидно, что, если бы это удалось, на наш народ накатилась бы новая волна массового террора.

Мы верим, что этого не произойдет. Правозащитное движение за те годы, что я с ним связан (более 10-ти лет), подверглось многим жестоким ударам, но каждый из них только усиливал его - и численно, и качественно. Думаю, что и из этого испытания оно выйдет усилившимся. Закон в стране будет уважаться. За это можно любую цену заплатить.

В свое время Ленин писал: "В народе говорят: "Если Бог хочет кого наказать, он отнимает у него разум". Я добавлю, - говорил он, - если история хочет наказать класс, она отнимает у него умных людей". Ну, а я к этому добавлю, что если жизнь против существующего государственного управления, то она вынуждает правителей действовать так, чтобы противопоставить себе людей, выражающих ум, честь и совесть эпохи.

Кто поспорит с тем, что нет в нашей стране и не было за время советской власти писателя больше Александра Солженицына. Зачем же его оторвали от своего народа, а себя выставили на всеобщее позорище?

Много ли у нас в стране, да и в мире людей равных Андрею Сахарову по уму и особенно душевным качествам. По душе он человек будущего, личность, перед которой нельзя не преклоняться. Почему же его преследуют? Почему ему не дали возможности съездить за Нобелевской премией Мира и тем превратили акт, долженствующий служить прославлению родины, в национальный позор?

Или последние аресты. Взять сразу такие два ума, такие таланты, как Юрий Орлов и Микола Руденко. Да где разум у тех, кто делал это?

Недавно на Запад прибыли с небольшими перерывами мои

молодые друзья Леонид Плющ, Андрей Амальрик, Владимир Буковский. Весь мир поражается их уму, силе характера, политической прозорливости. Почему же Родина отторгает от себя таких людей? И надо учесть, что это - наши обычные, рядовые участники правозащитного движения. Таких, как они, уехало на Запад (только менее заметно) сотни. А в стране остались тысячи. И государство, вместо того чтобы пользоваться их умом и талантами, противопоставляет их себе! Поразительно!

Правозащитное движение приложит, разумеется, все силы, чтобы отстоять себя.

Но главное не в этом, а в том - долго ли будет существовать тоталитаризм, единственная страна в мире, где за 60 лет не бьшо ни одной политической амнистии?

Коммунисты! Вы в силах не допустить новых провокационных процессов в СССР и добиться освобождения Александра Гинзбурга, Юрия Орлова, Миколы Руденко, Олексы Тихого! Вы в силах добиться политической амнистии в СССР и воздействовать на партийно-государственное руководство Советского Союза, чтобы оно начало постепенную демократизацию строя - переход от тоталитарного марксизма к демократическому. А если можете - добивайтесь! Это ваш исторический долг! У вас нет более важной задачи. Весь ход мирового развития зависит от того, станет СССР демократическим государством или перейдет к еще более жесткому тоталитаризму.

Петр Григоренко. Февраль 1977 г.

ПОСЛЕ ПОСЛЕСЛОВИЯ

Когда "Наши будни" были уже написаны, в "антидиссидентскую" кампанию включилась правительственная "Известия". Она опубликовала корреспонденцию В. Апарина и М. Михайлова "Контора г-на Шиманского" (24 февраля 1977 г.) и "Открытое письмо" С.Л. Липавского с послесловием к нему Д. Морева и А. Ярилова (5 марта 1977 г.) .

Эти две публикации являются дополнительной иллюстрацией того, как обрабатывается общественное мнение, для того чтобы оно приняло и одобрило любые приговоры людям, которых судят лишь за то, что они отстаивают права человека.

Чем же новым просветили нас "Известия"? В первой из названных публикаций берется группа советских эмигрантов и утверждается, что все они агенты ЦРУ. Доказательств, разумеется, никаких. Но поскольку написанное иллюстрировано фотокопиями каких-то иностранных документов, то создается впечатление достоверности, и в мозгу неинформированного советского читателя может легко застрять формула: "советский эмигрант - агент ЦРУ". К этой формуле несложно перебросить

логический мостик: эмигрант - бывший диссидент, а, значит, еще не эмигрировавшие диссиденты тоже агенты ЦРУ, но только выполняющие задания американской разведки на территории СССР.

Этот мостик не нами придуман - его построила "Правда" в редакционной статье, которую мы рассматривали в главке "И это правда?" Строят сей мостик и "Известия" в своей второй публикации.

С. Липавский утверждает, что все его уехавшие на Запад друзья были агентами ЦРУ здесь - в СССР. Доказательствами себя он тоже не утруждает. Более того, его утверждения совершенно недоказуемы, т. к. он ссылается только на людей, находящихся вне пределов Советского Союза, а "шпионский реквизит", демонстрируемый на помещаемых в газете фото, за версту пахнет фальшивкой. И содержание приводимых документов, и описание "тайников" со средствами упаковки почты настолько наивны, настолько пахнут "детективами" сталинской эпохи, что стыдно становится за то ЦРУ, которое их придумало. Ну, скажите, какой шпион станет писать другому те указания, которые можно дать устно? А кто станет писать такие "инструктивные указания" - "делать, как и в прошлый раз"? А кто выбирает такой тайник, подступы к которому просматриваются со всех сторон на всю прямую дальность видения, а оставленный в нем материал может быть легко обнаружен случайным прохожим (проезжим) ?

Но это все ЦРУ. Ничего не поделаешь, если оно такое глупое. Но ведь наши разведка и контрразведка, они-то не дураки! Так как же они допустили, что ЦРУ везде пролезает, все вынюхивает. При этом везде оставляет следы. Действует чуть ли не в открытую. Даже общественное движение из шпионов создало (диссиденты). А наша контрразведка только глазами бессмысленно поводит, да ушами хлопает. Если бы не саморазоблачившийся С. Липавский, так и до сегодня бы ничего не знали. Да, Липавский?! Постойте!!! А как же так получилось, что саморазоблачение пошло прямо в печать? Ведь это же азбука разведки - провести игру на разоблаченном, а тем более саморазоблачившемся шпионе и раскрыть вражескую шпионскую сеть. Но наше "доблестное" КГБ и тут проморгало. И естественно, что в таких условиях С. Липавскому ничего не оставалось, как взять его задачи на себя. Он заявляет, что приложит "все свои силы в разоблачении враждебной деятельности отщепенцев и изменников Родины, которые продались ЦРУ".

Вот спасибо! Вот спасибочко! И что бы делал без вас, С. Липавский, наш народ при столь небдительном КГБ?!

И вот такую абракадабру несет правительственный орган. И

все только для того, чтоб наш народ поверил в то, что участники правозащитного движения агенты ЦРУ и международных антисоветских центров, что их деятельность направлена на подрыв существующего строя.

Ну что ж, если наши требования соблюдать советские и международные законы подрывают строй, то я за такой его подрыв.

"Разоблачения" С. Липавского имеют еще и частную цель: оклеветать еще двух членов Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений - Владимира Слепака и Анатолия Щаранского. Последний в письме С. Липавского прямо назван агентом ЦРУ. И хотя оба эти заявления абсолютно безосновательны, меня они очень взволновали. Я почувствовал, что, по крайней мере в отношении А. Щаранского, готовится арест. Я прервал свой предоперационный отдых и к вечеру 8 марта был в Москве. 9-го разыскал по телефону Щаранского. Он был у Владимира Слепака. Предложил встретиться. Анатолий дал согласие прийти ко мне, но при этом добавил: "Если вас, конечно, не смущает мой "хвост". Он у меня сейчас очень большой". Я ответил в том смысле, что к "хвостам" привык, даже к собственным. Договорились о времени встречи.

Чувствую, время приближается. Подхожу к окну и смотрю на дорожку, ведущую к моему подъезду. Вскоре на ней показалась плотная группа людей. Среди них глаз сразу выделяет А. Щаранского и В. Слепака. Иду и открываю дверь на лестничную клетку. Люди приближаются. Подходя к двери, Анатолий шутит: "Петр Григорьевич! Здесь сопровождающие двух категорий - мои и чужие. Моих впускать, остальных не надо!" И он, пропустив в дверь Владимира Слепака и Захара Тэскера, вошел и захлопнул дверь. Перед дверью остались двое.

- А где же вы третьего потеряли, - спросил я. - На улице вас, вроде бы, шестеро было.

- Нет! - возразил Толя, - нас было семь, не считая тех, что в двух машинах остались. Те двое, что шли с нами, и те, что в машинах, ведут теперь наружное наблюдение за домом.

Просидели мы часа два. Шла обычная дружеская беседа, но меня не оставляло чувство тихой тоски. Такое чувство, какое бывает, когда прощаешься с дорогим человеком и не знаешь, придется ли встретиться когда-нибудь. Угроза ареста Анатолия Щаранского, мой солидный возраст и далеко не блестящее здоровье наводят на мысль, что наша сегодняшняя встреча может оказаться последней в нашей жизни. Расходиться никому не хотелось, но... И вот, я снова открываю дверь на лестничную клетку. Те двое по-прежнему перед дверью.

Я смотрю, как выходят, быть может, последний раз в жизни на моих глазах дорогие мне люди. И сердце мое заполняет, рядом с болью, отвращение и гнев. Те двое нагло смотрят на моих друзей, стоя у них на пути так, что приходится проходить буквально впритирку. И как только мои друзья проходят, те "лбы" пристраиваются за ними вплотную. Дрожа от сдерживаемого гнева, закрываю дверь и снова иду к окну. Вижу, какой-то тип помчался по дорожке на улицу Льва Толстого. Вскоре из подъезда выходят мои друзья. Сопровождающих с ними уже трое. Плотной группой шестеро движутся тоже к улице Льва Толстого.

Иду к другому окну, в столовую, откуда просматривается та улица. Вижу, как разворачиваются, вопреки правилам уличного движения, наезжая на тротуары, две легковые машины. В каждой двое - водитель и пассажир. Тот тип, что бежал по дорожке, стоит и наблюдает за разворачиванием машин и поглядывает на подходящую "шестерку".

Я смотрел вслед моим друзьям, пока они не скрылись. Сопровождающие по-прежнему шли вплотную. Не отставали и автомашины, хотя для этого им приходилось грубо нарушать правила уличного движения.

Невольно думалось: какой смысл в таком сопровождении? Чтобы выяснить планы шпиона и раскрыть шпионскую сеть, надо следить скрытно - так, чтобы шпион не замечал слежки. Ну, а зачем ходить в открытую за тем, чье шпионство разоблачено, и даже в газете об этом опубликовано? Ответ может быть только один: НИКАКОЙ ОН НЕ ШПИОН. И ЭТО ХОРОШО ИЗВЕСТНО К Г Б. А ходят за ним столь нагло, чтоб непрерывно напоминать о скором аресте и таким путем попытаться надломить его волю.

И еще думалось мне: Бедный мой народ! Как же тебя грабят! Лишают возможности общаться с лучшими сынами твоими. И средств, которые отнимают у тебя же, для этого не жалеют. Ну, вот сейчас: сам я видел двух, и еще двух, и четырех в двух автомашинах. Всего, значит, восемь. А если перевести на сутки, да учесть выходные, то, значит, надо помножить на четыре. У них же семичасовой рабочий день. Следовательно, не восемь, а ТРИДЦАТЬ ДВА ЧЕЛОВЕКА НАБЛЮДАЮТ ЗА МОИМИ ДРУЗЬЯМИ. И если даже это наблюдение не только за А. Щаранским, но и за В. Слепаком, то и в этом случае по 16 человек на одного. Сколько это в деньгах? Наверное, немало. Ведь это же не тунеядцы, а "ответственные работники". Расход, явно не на бедную страну рассчитанный. Поэтому - БОГАТЕЙ, СТРАНА! БОГАТЕЙ БЫСТРЕЕ!! У ТЕБЯ МНОГО ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ, не сомневайся, БУДЕТ ЕЩЕ БОЛЬШЕ.

Следующее утро началось со звонка в дверь. Принесли

телеграмму: "Ежедневно таскают допросы Жду ареста". Пишет женщина, муж которой, уехав в командировку на Запад, не вернулся в СССР. За это "преступление" мужа ее лишили материнских прав и полтора года продержали в лагере (была приговорена к 4-м годам, но с связи с Международным годом женщин амнистирована) . Теперь вот навис новый арест. За что? Можно даже и не спрашивать. Это судьба очень многих из тех, кто уже репрессировался по политическим мотивам. Найдут, за что. Даже если ты сидишь тише мыши. Ну, а если ты еще и жалуешься на что-то или обижаешься на безосновательное осуждение в прошлом и насильственное разлучение с грудным ребенком, то лагеря просто не избежать.

Не прошло и часа, ВТОРОЙ звонок. Открываю дверь. Вижу мужчину, женщину, а за ними троих детей - мальчиков. Приглашаю зайти. Но мужчина пытается объясниться, не заходя в квартиру: "Мы вам не знакомы. У нас просто тяжелое положение, и мы хотели бы, если можно, посоветоваться". Подходит моя жена, и мы, уже оба, понимая, что начался обычный диссидентский день, повторяем приглашение войти. Заходят. Вскоре мы уже знаем грустную историю семьи Волощук - Александра и Любови. Уже скоро ВОСЕМЬ месяцев, как они не имеют ни жилья, ни работы.

Жили они в г. Горьком. Муж учился в Сельскохозяйственном институте, жена в педагогическом. Александру не дали закончить институт. С работой тоже "не везло". Не успеет устроиться - увольняют. Даже должность сторожа ему не доверяли. И они решили уехать в родные места - на Украину, в Донбасс. Обменяли свою кооперативную квартиру в г. Горьком на квартиру в г. Харцызске Донецкой области. Получили обменный ордер и поехали. Но когда прибыли к новому месту жительства, то увидели, что предназначенная им по ордеру квартира занята. Их прежнюю квартиру в г. Горьком тоже заняли. Никакой другой площади взамен предложено не было. Когда же они начали настаивать на своем праве получить жилье, им без обиняков сказали: "Уезжайте из нашего города. У нас и своих БАПТИСТОВ МНОГО". Так они оказались между небом и землей. Нет жилья, нет работы, дети не ходят в школу. "Пусть вам Бог помогает!" - издевательски говорят им в официальных советских учреждениях.

ВОТ ОНИ, наглядно: ПРАВО НА ТРУД, ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ, НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА. И все только за то, что муж баптист, а дети воспитаны в вере в БОГА. Жене говорят: "Разойдись с ним и будешь жить по-человечески".

Полгода Волощуки тщетно добивались своих декларированных Конституцией прав и, придя в полное отчаяние,

два месяца назад явились в приемную Верховного Совета СССР и подали заявление об отказе от советского гражданства. Сдали свои паспорта и попросили разрешения на выезд в любую страну свободного мира. Ответа на это заявление нет до сих пор. И вот они приехали снова, чтобы идти в приемную и там сидеть, пока не получат ответ. Предварительно зашли к нам "посоветоваться", а вернее, заявить о себе, т. к. не уверены, что в приемной их не разлучат с детьми и не отправят по лагерям или "психушкам".

Такова наша доля - доля людей, называемых "диссидентами", "отщепенцами", "врагами общества"... Нам приходится каждодневно выслушивать душераздирающие истории и с бессильным отчаянием взирать, как бюрократический аппарат измывается над ни в чем не повинными беззащитными людьми. Единственное, что мы можем, - кричать от их боли. Но они идут к нам и за этим, т. к. у них самих нет "голоса" и для крика.

В настоящее время в советской печати поднят буквально вселенский крик о том, что западные страны, особенно США, своими выступлениями в защиту "диссидентов" "социалистических" стран вмешиваются в их внутренние дела и тем срывают разрядку напряженности. Получается, что если Запад будет смотреть сквозь пальцы на нарушение Советским Союзом добровольно им принятых международных обязательств, то настанет "всеобщий покой", а если скажет, что международные договора надо не только подписывать, но и выполнять, то настанет холодная война. Странная, если не сказать больше, "теория", которая, к сожалению, имеет хождение и на страницах западной печати, и в кругах ответственных политических деятелей Запада. По этому поводу можно лишь вздохнуть и про себя душевно прочесть молитву: "Боже, дай здоровья и долгой жизни КАРТЕРУ и всем, кто поддерживает его в борьбе за права человека". Истинно ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ не боятся пожертвовать сиюминутными интересами во имя СВОБОДЫ и ДОСТОЙНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА. Я, как и все мои друзья по правозащитному движению, не жду "манны небесной" - свобод, принесенных извне, я ни о чем не прошу и не желаю себе судьбы иной, чем судьба моего народа. Но я хочу, чтобы все, кто наблюдает, как советская печать "горько плачет" от обиды на то, что другие государства, защищая "диссидентов", вмешиваются во внутренние дела, знали, что слезы эти крокодильи, что, проливая их, страна одновременно пожирает своих детей.

П. Г. 13. 3. 77 г.

Еще раз "после" или о том, как пытаются замести следы преступления

Не успел я поставить заключительную дату (13.3.77 г.) под

настоящей работой, как произошло СОБЫТИЕ.

В ночь с 13-го на 14-е марта сотрудники КГБ под руководством ст. следователя капитана Яковлева произвели обыск у Александра Подрабинека. Обыск - событие? - скажет удивленно читатель. Да вам бы, уважаемые "диссиденты", давно пора привыкнуть к обыскам! Сколько их у вас уже было?! - Скажет так и будет прав. Прав?! Нет, не совсем! Обысков нам действительно досталось немало. Одна моя семья пережила их четыре. Но этот обыск - необычный. На моей памяти был только один, когда у А. Солженицына забрали его архив (на квартире, где он хранился).

Такой обыск совершенно не похож на обычный. Больше всего он напоминает действия преступника, заметающего следы своего преступления. Но, чтобы понять это, придется обратиться к предыстории.

В последние годы на Западе и в нашей стране стали широко известны случаи расправ с участниками правозащитного движения в СССР при помощи психиатрии. Большую роль в ее разоблачении сыграли материалы о деятельности Института судебной психиатрии им. Сербского, которые направил западным психиатрам Владимир Буковский. И хотя он сам жестоко поплатился за это, в глухой стене молчания, окружившей застенки психиатрического произвола, образовалась трещина.

В. Буковский не был первым, кто посягал на нерушимость этой стены. Задолго до него, как я уже рассказывал, такую попытку совершил Сергей Петрович Писарев. Еще в 50-е годы, сразу после 20-го съезда партии, сумел он довести до ЦК КПСС свое заявление о преступных злоупотреблениях психиатрией и добился создания для проверки этого заявления авторитетной комиссии под председательством работника ЦК Кузнецова А.И. В комиссию вошли такие крупнейшие советские психиатры, как профессор Александровский А.Б. и профессор Федотов Д.Д. Но громадная и благородная работа комиссии, раскрывшей клубок психиатрического произвола и сделавшей вывод о необходимости ликвидации так называемых "специальных (тюремных) психиатрических больниц" (СПБ), была сведена на нет, а материалы, изобличающие преступников в белых халатах и их вдохновителей, были изъяты и похоронены в архивах ЦК КПСС. Общественность так ничего и не узнала об этой благородной работе комиссии, а СПБ не только не были ликвидированы, но со временем начали расти, как грибы после теплого осеннего дождя. Угрюмая и грозная стена молчания продолжала окружать их. Неоценимая заслуга В. Буковского в том именно и состоит, что он сумел пробить первую щель в этой стене. И через эту щель

потрясенный мир увидел страшные картины человеческих страданий и услышал приглушенные стоны истязуемыгх людьми в белых халатах.

Говорят "лиха беда начало" - щель начала постепенно расширяться. Владимир Борисов и Виктор Файнберг, согласовав свои действия, организовали из-за стен Ленинградской СПБ регулярные репортажи, в которых убедительно показали античеловеческое нутро этой так называемой больницы, ее роль как одного из центров безжалостного подавления свободной мысли. Были показаны и врачи преступники против человечности.

Бесстрашный Владимир Гершуни сделал то же самое в одиночку из-за стен бывшего Орловского централа, ныне - Орловской СПБ, куда его заточили, чтобы сломить волю к свободомыслию, к борьбе против всяческого беззакония и произвола. К этому человеку у меня особое отношение. О Володе Борисове и Вите Файнберге, например, я могу сказать, что это мои друзья-соратники. В отношении к Володе Гершуни ощущаешь кроме чувства дружбы особое уважение, как бы преклонение перед его силой духа, перед его неиссякаемой энергией, инициативой и неустрашимостью.

Раньше всех нас начал он свой путь на Голгофу. Еще юношей он оказался солагерником Александра Солженицына, который посвятил Володе несколько строк в своем великом творении - "Архипелаге ГУЛаг". Строк немного, но они написаны так, что из них воочию виден тот Гершуни, который и сегодня вызывает чувство глубочайшего уважения к себе. Впоследствии, участвуя в правозащитном движении, Гершуни одновременно активно и плодотворно помогал Александру Исаевичу собирать материал для "Архипелага".

Последний раз Володя был арестован в 1969 году - на четыре месяца позже меня. Вскоре после его ареста наши пути скрестились в Институте им. Сербского, но его, чтобы мы не общались, поместили с уголовниками (я находился в отделении для политических). Несмотря на это, он сумел встретиться со мной, обняться и передать при этом (незаметно) "хронику" событий, которые произошли в те четыре месяца, когда я был уже в тюрьме, а он еще на свободе. И какая потрясающая память: в "хронике" описаны не только события, но и точные даты указаны. И вот человек с такой памятью попадает в Орловскую СПБ. В результате деятельность этого учреждения получает достойную огласку.

Моей жене - Зинаиде Григоренко и нашему сыну Андрею Григоренко принадлежит главная заслуга разоблачения

преступной деятельности психиатров Черняховской СПБ, а Татьяне Ходорович и жене Леонида Плюща - Татьяне Житниковой Днепропетровской СПБ. С разоблачениями выступили и отдельные врачи-психиатры. Первый - Семен Глузман, написавший исследование "Заочная экспертиза П. Григоренко". Преступники жестоко расправились с ним - 7 лет лагеря строгого режима и 5 лет ссылки - такова плата за честность. Большую разоблачительную работу провела и эмигрировавшая на Запад врач-психиатр Марина Войханская. Одновременно с такими крупными разоблачениями появились рассказы о происходящем в СПБ от освободившихся из них: Михаила Кукобаки, Иосифа Терели и др.

Многие из числа подвергшихся психиатрическим репрессиям обращались за защитой в правительственные органы. Но не было ни одного случая, чтобы такие заявления или разоблачения преступной деятельности врачей СПБ и Института им. Сербского расследовались. Это не удивляло тех, кто выступал с разоблачениями карательной психиатрии. Они уже давно утверждали, что репрессивное ее использование - дело рук не медиков, а органов госбезопасности; что именно волю последних выполняют психиатры, пренебрегшие своим врачебным долгом и ставшие на путь преступного использования медицинских знаний.

Последним обыском КГБ подтвердил эти наши выводы.

Александр Подрабинек - человек со средним медицинским образованием, и, хотя ему лишь 23 года, он имеет солидную практику работы в скорой помощи и связанные с этой работой наблюдения за жизнью. Имея чуткое сердце, он обратил внимание на то, что практика насильственного заключения свободомыслящих людей в психиатрические больницы (специальные и общие) получила широкое распространение в СССР. И он понял, что ограничиваться разоблачением отдельных фактов такой практики теперь уже нельзя, что настало время и назрела необходимость обобщить факты применения психиатрии в репрессивных целях. Этой работе он и отдал последние ТРИ года. В результате родилась рукопись книги "Карательная медицина".

Естественно, что такая огромная работа не могла выполняться в абсолютной тайне. Ведь для того, чтобы приступить к написанию книги, пришлось создать картотеку более чем на двести человек - политзаключенных специальных психиатрических больниц, добыть их фотографии, копии соответствующих служебных инструкций и другие документы. Органы КГБ по-видимому давно установили слежку за А. Подрабинеком и выследили, когда он со всеми материалами

явился к своей знакомой Елене Боброви ч, с рукописью книги и другими документами, чтобы переписать свою рукопись на пишущей машинке Е. Боброви ч. Среди ночи и нагрянули с обыском. Торопились так, что даже ордер на обыск не оформили как положено. За 5,5 часов (0.10-5.30 14.3.77 г.) изъяты: рукопись книги, картотеки и другие связанные с книгой документы.

Что шли именно за этим и знали наверняка, что все нужное КГБ находится здесь, свидетельствует, в частности, тот факт, что обычного в таких случаях одновременного обыска по месту прописки обыскиваемого не производилось. На это же указывает и то обстоятельство, что послеобыскного допроса не было. Так были довольны захватом всего, что о допросе просто забыли.

Именно такое поведение типично для преступника. Придя на место, где предполагается нахождение улик, он хватает их и исчезает. Только убедившись, что чего-то недостает, он прижимает в темном углу того, кто, по его предположению, удерживает недостающее.

ЧИТАТЕЛЬ, ПОДУМАЙТЕ! Могут ли быть орудиями преступления:

- ПИШУЩАЯ МАШИНКА?

- ФОТОАППАРАТ?

- ФОТОГРАФИИ? - Нет, не военных объектов и не деталей машин, а обычные фотографии людей?

- Рукопись книги "Карающая медицина"?

- КАРТОТЕКА на людей, добровольно давших сведения о себе?

- Копии официальных (несекретных) служебных инструкций?

- Воспоминания и заявления ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ СПЕЦПСИХБОЛЬНИЦ?

Думаю, вы вместе со мною произнесете твердое - НЕТ!!!

Все перечисленное может служить лишь доказательством преступных действий психиатров или их оправданию, но никак не совершению преступления.

Все письменные документы и фото - это УЛИКИ!!!

А пишущая машинка и фотоаппарат - это орудия человека, собирающего улики.

Поэтому изъятие документов и фотографий есть акт ЛИКВИДАЦИИ УЛИК!

А изъятие пишущей машинки и фотоаппарата - попытка затруднить собирание УЛИК!

Тот, кто делает то и другое, боится собранных улик как соучастник преступлений, как ПРЕСТУПНИК!!!

* * *

Я только собрался поставить последнюю подпись под этим

затянувшимся рассказом, как раздался телефонный звонок. Звонил Владимир Слепак. Сообщил: час назад, т. е. в 6 часов вечера 15-го марта, "взяли" Анатолия Щаранского.

Да, да! Именно "взяли"! Как брали в свое время Александра Гинзбурга. Восемь упитанных, хорошо натренированных "молодцов" в подъезде набрасываются на невысокого интеллигентного вида человека, заведомо безоружного и не собирающегося сопротивляться или бежать, вывертывают ему руки, впихивают в машину и стремительно отъезжают. При этом не произнесено ни слова, не предъявлено никаких документов, дающих право на арест. Два иностранных корреспондента и Владимир Слепак, находившиеся рядом, остались в полном недоумении - что они видели: арест или похищение человека бандитами-террористами?

Возникает вопрос: зачем этот спектакль? Объяснение простое. Во-первых, изображается захват важного преступника. Уж коль не попадаются настоящие шпионы, так разыграть хотя бы спектакль шпионский. Во-вторых, потренировать "молодцов" своих, натаскивать их "на людей бросаться". Мало ли как дело обернется. Это сейчас на такой огромный аппарат работы не хватает. А может, ведь и удастся развернуть дело, как в "благословенные" сталинские времена. Вот тогда и пригодится сегодняшняя тренировка. В третьих, пусть этот "вшивый сионист" сразу почувствует, в какие руки он попал, пусть узнает, что "цацкаться" с ним здесь не будут. И, наконец, в-четвертых, пусть поволнуются и те "сионисты", что дома остались. Когда там дежурный КГБ по городу подтвердит, что А. Щаранский у них. А до того пусть помучаются, подумают, что, может, действительно бандиты "умыкнули" и наутро только труп обнаружится где-нибудь на дороге.

За что же арестовали Анатолия Щаранского?

Я и все его друзья по работе в Группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений твердо знаем, что никаких уголовных преступлений он не совершал. Следовательно, предъявят ему стандартное диссидентское обвинение "антисоветкая пропаганда" или "клеветнические измышления". Хотя, Бог знает, в сталинские времена и без всяких оснований людям, которые день и ночь клялись в верности режиму, давали "измену родине". Так почему бы не попробовать приравнять к измене правозащитную критику. Но что бы там ни пытались сфальсифицировать, в действительности его арестовали, как и А. Гинзбурга, Ю. Орлова, М. Руденко, О. Тихого, за участие в работе Группы, т. е. за то, что помогал выяснению правды о выполнении Советским Союзом Хельсинкских договоренностей.

Но почему арестовали именно его, а не меня или еще кого-то из находившихся еще на свободе членов Группы? Ответ простой. Анатолий Щаранский прекрасно знает английский язык и может точью передать сущность заявлений Группы людям, не владеющим русским языком или плохо знающим его. Лишить Группу языка - вот истинная причина этого ареста. Группа в своем заявлении по поводу ареста А. Щаранского пишет:

Мы решительно протестуем против незаконных попыток задушить Группу путем арестов ее членов. Мы призываем советскую и международную общественность поддержать наш протест.

Каждый гражданин стран, подписавших Заключительный Акт Хельсинкского совещания, вправе проверять, как выполняются постановления этого Акта и высказывать свои суждения по этому поводу. Начав уголовное преследование членов Группы, советское правительство пытается путем запугивания лишить этого права всех своих граждан. Это грубое нарушение добровольно принятых на себя международных обязательств, поэтому правительства и народы стран-участниц Хельсинкского совещания не только вправе, но и обязаны указать на эти нарушения и потребовать их прекращения.

Мы требуем освобождения Анатолия Щаранского и ранее арестованных членов групп - Александра Гинзбурга, Юрия Орлова, Миколу Руденко, Олексу Тихого.

Заявление подписали члены Группы Елена Боннэр, Петр Григоренко, Мальва Ланда, Юрий Мнюх, Владимир Слепак.

16.3.77 г.

К друзьям моим!

В настоящих записках я назвал ряд имен. Условия работы, особенно ее спешность, обусловленная стремлением в короткие сроки и как можно полнее и доказательнее раскрыть абсолютную необоснованность последних арестов, помешали мне согласовать написанное с теми, чьи имена употреблены в тексте. За это прошу простить меня и без обиды сделать свои замечания, если они появятся. Я обещаю учесть все такие замечания при переиздании сих записок.

Многие из известных мне людей, которые ведут огромнейшую правозащитную деятельность, в моих записках поименно не названы. В большинстве это сделано, чтобы не привлекать к ним ненужного внимания. Остальные не названы по другим, более или менее основательным причинам. Не исключено, что кого-то я в спешке просто не вспомнил. Но никто не упущен по злому умыслу. Всех, с кем общаюсь, я уважаю и люблю. Поэтому от всех них жду замечаний и основательной

критики.

С уважением, П. Григоренко

16.3.77 г.